

СЕРГЕЙ ВИШНЕВСКИЙ

ПЕСТ -
ЛОМАНЫЙ ГРОШ

Наместный маг

Сергей Вишнеvский
Пест – Ломаный Грош

«Автор»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Вишневский С. В.

Пест – Ломаный Грош / С. В. Вишневский — «Автор»,
2018 — (Наместный маг)

ISBN 978-5-17-983219-5

Пест – еще совсем мальчишка, а уже ведун и студент академии магии. Он страстно тянется к знаниям, справляется со строгими преподавателями, но самое тяжелое испытание ждет его дома. Оказывается, его собственное село, место, где он вырос, где издавна обитает весь его род, им не принадлежит! Где взять денег, чтобы выкупить собственную родину? Да и кто станет слушать мальчишку, когда с севера наступает орда тварей, жаждущих полакомиться человечинкой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-983219-5

© Вишневский С. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Вишневский

Пест – Ломаный Грош

Глава 1

Солнце начинает прятаться за верхушки деревьев, удлиняя и без того немаленькие тени от деревьев.

Село Ведичей затихает. Дневные хлопоты по хозяйству были выполнены, мужики, работавшие в поле, накормлены, коровы выдоены, дворовая живность накормлена и уже разбреглась по своим законным местам во дворе. В домах, несмотря на наступающие сумерки, свет загорелся далеко не везде. Складывается впечатление, что половина села и вовсе отсутствует дома. Отчасти это правда.

Почти все взрослые мужики собрались в избе старосты села Ведичей. В доме многолюдно, и чтобы рассадить в небольшой избе глав родов и гостей из соседних деревень, натаскали лавок из соседних домов.

В данный момент в избе у стола сидят главы родов. Простые мужики стоят у стен так, чтобы всем было видно центр комнаты.

В центре стоит Пест. Он внимательно слушает старосту, который поминает добрым словом старую ведьму, хранившую мудрость и оберегавшую окрестные села от напастей. После добрых слов он поднимает небольшую деревянную чашечку, используемую вместо рюмки и наполненную медовухой, и залпом ее опрокидывает. Его примеру последовали главы родов.

– Все ли сделал, и сделал ли, как завещала Аккилура? – спрашивает староста после опрокинутой рюмки медовухи.

– Все, старшой, – кивает Пест.

– А как со знаком ведьмы старой? – спросил староста мужиков, пришедших гонцами из соседних деревень Куприян и Дорожичей.

– Истлел намедни знак Аккилуровский, развеялся, аки прах могильный на ветру, – отвечает уса́тый гонец Куприян.

– Истинно так! Как есть истлел... – кивает мужик из Дорожичей.

– Ну, коли все вышло по задуманному, то говори слово за учебу свою, Пест, а то бабы уж судачат, – староста мельком оглядывает глав родов с ухмылкой. Его за день работы в поле успели одолеть расспросами. – Мол, погнали с учебы, аль сам сбежал?

– Учеба, хоть и дюже сложная, но ежели бока не отлеживать, то справиться можно, – Пест тянет за ворот рубаху вверх и снимает ее. Всем видны две переливающиеся татуировки. – Это знаки мажьи о том, что я двум наукам мажьим выучен, и право зваться магом имею согласно «Государеву указу о мажьих отличиях и рангах».

– И каким же наукам выучился? – спрашивает староста, цыкнув на мужиков и повысив голос. Мужики у стен и главы родов, как только увидели переливающиеся татуировки на груди Песта – тут же загомонили и зашептались.

– Этот знак обозначает, что я магом боевым право называться имею, – Пест указывает на татуировку с буквой В. – Количество Йот в этом знаке обозначает ранг. Эта отметка дает мне право называться магом боевым третьего ранга.

Пест вытягивает из-за пояса нож, который полтора года назад выковал сам, когда учился кузнечному делу у Дорожичей, и исполняет трюк, который когда-то показал его учитель и наставник Ратмир.

Он с размаху вогнал нож в свою собственную грудь слева. При этом он не прекращает и продолжает говорить, как ни в чем не бывало.

– Маг боевой из меня вышел не ахти. Нет во мне силы великой, ни одна стихия меня не приняла, а потому и управлять стихиями искусно не дано мне. – Все мужики, что находились в комнате, с открытым ртом наблюдают за единственной капелькой крови, которая зависла на рукоятке ножа. Сам нож тем временем едва заметно двигается, словно его кто-то тянет за рукоять, стараясь вытащить. – Посему учитель мой меня вперед учил жить и выживать, несмотря на ранения. Зело сложно то дело, но, как видишь, старшой, выучился я тому. Да так, что ежели меня убить решишь – без некромантии и магии черной никак. Гореть я уже горел, топить меня уже топили, руки-ноги отрезали. Новые отращивал.

Речь Песта прерывает нож, который с гулким стуком падает на пол. Староста проводит его взглядом, сглатывает комок в горле и спрашивает:

– Это кто ж тебя сжечь пытался и утопить?

– Так Ратмир, учитель мой, – хмыкает Пест, явно что-то вспоминая. – Он не злой, но сам маг боевой. Посему учеба у него зело злая. Спуску не давал и за уговорами или руганью в карман не лез... за тумакami у него тоже дело не вставало...

– Добре! – говорит огромный мужик, сидящий за столом. – Ежели дело твое война, то без тумачков никуда! Лучше от отца тумак, чем от вражины нож в брюхо!

Мужики нестройным хором гомонят, подтверждая слова огромного мужика.

Пест тем временем продолжает ворожить. Ничего сложного, только контроль. Он магией воздуха подбирает золу, мелкие угольки из печи и заставляет их двигаться в виде длинной полоски, которая, выбравшись из печи, устремляется к юному ведуну. Она начинает вращаться у его ног, словно змея. При этом красные угольки иногда потрескивают, словно невиданная змеюка из пепла и угольков шипит и огрызается.

– Добро! – кивает староста, опасливо поглядывая на «пепельную змеюку», и вновь спрашивает: – А второй знак?

– Сие знак о том, что я артефактному делу обучен, – Пест указывает на стилизованную букву А. – Ранг сего дела у меня первый. Посему я могу по закону для продажи делать токмо первый десяток артефактов, что в указе записан «О рангах и разрешениях изготовления стандартных артефактов для свободной торговли». Сей указ самим государем нашей Гвиней подписан!

– А ежели не на продажу? – с прищуром спрашивает староста.

– А ежели не на продажу... – Пест разворачивается к выходу и подходит к двери, где под мешком спрятан деревянный домик. Он сделан из маленького сруба шириной в локоть и с небольшой двускатной крышей. Пест подходит к столу, за которым сидят староста и главы родов, и ставит его на стол. – Ежели не на продажу – делай, что душе угодно. А моей душе угодно было такой артефакт измыслить, чтобы пока меня рядом нет, он бы за полями следил, чтобы солнцем их не спалило, градом не побил али хворь какая посевы не взяла. И так я крутил и эдак, и книги ученые читал... библиотекаря мажьего совсем извел.

Пест стучит костяшками пальцев по домику, и дверь, которая была перед старостой, открывается. Из двери выходит маленький человечек размером с мужскую ладонь. Одет – совсем по деревенски. Лапти, штаны из мешковины, рубаха, жилетка, да шляпа с полями из мелкой травы на голове. Он оглядывает мужиков, которые уставились на него выпученными глазами, снимает шляпу, пригладив волосы, торчащие во все стороны, и громко говорит: «Здравы будьте!»

– Я, значится, к мастеру, что артефактному делу учит, на поклон пошел. Он-то мне и сказал, что нет таких артефактов и делать их никогда не делали. Почему? То разговор долгий, но сей артефакт я сам измыслил и сам создал, – Пест с улыбкой разглядывает вытянувшиеся лица взрослых мужиков, которые разглядывали домового. – Артефакт сам по себе вещь, и разумом не наделен, но я в него духа поселил домового. Сей дух дал добро, и слово с торгом молвил, что будет теперь хозяином Полей наших. С этим артефактом он и в зной и в град

ворожить сможет не хуже меня, а то и лучше. За то раз в седмицу ему хлеба медового краюха полагается и молока крынка.

В избе воцарилось гробовое молчание. Мужики столпились полукругом вокруг домика-артефакта. Тишину разорвал голосок Лукаши.

– Кто старшой будет? – как можно громче произносит домовый.

– Я за него!

– Лукаша! – домовый протягивает ответившему старосте раскрытую пятерню.

Староста сначала смутился, но потом тоже протянул к домовому мизинец. Тот пожал его со словами:

– Я, конечно, с полями не мастак, сперва надобно будет мне подсказывать, но коли сработаемся, то всю округу хлебом завалим! – прямо выкладывает Лукаша, не отрывая взгляда от старосты.

– Вперед дело, а за ним слово, – отвечает староста, хмурясь.

– И то верно! Когда смотреть поле пойдем?

– Завтра с зорькой. Ночь на дворе...

– Ты когда в поле пойдешь – в дом постучи. Я с вами двину, – Лукаша накидывает шляпу на голову и бодрым голосом добавляет: – Поглядим, может, сразу чего и подправим. Стучи, ежели чего, старшой. Бывайте, мужики...

С этими словами Лукаша махает рукой мужикам и, развернувшись, снова уходит в дом, закрывая за собой дверь.

– Вот те раз... – слышится из толпы мужиков, которые обступили стол и все вместе разглядывали Лукашу. Когда тот затворил дверь, все взгляды перенесли на Песта.

– Сам придумал и сделал? – спрашивает староста Песта, не обращая внимания на мужиков, которые обступили его плотной толпой.

– Сам.

– А может, и не вертаться тебе, Пестушка, в Академию мажескую? – задумчиво спрашивает он Песта. – Ежели воевать ворожкой умен, мажым чудесам обучен... Может, и не треба более?

– Нет, старшой. Я хоть и себя не жалел, но больно много еще мне выучить надобно. Много знаний постигнуть следует, чтобы магом хотя бы средней руки зваться, – Пест кивает на домик Лукаши, пускаясь в объяснения: – То, что вы за чудо держите, сотворил я ведовским словом и делом. Самой мажьей науки там не много. Кабы не ведовство и слово Аккилуры – и того не сделал бы...

Мужики начинают гомонить, а староста вздыхает, потирая лицо ладонями.

– Ежели так, то быть по-твоему, – староста умолк на несколько секунд, а потом хлопает по столу ладонью, прерывая гомон мужиков, что-то продолжавших обсуждать. – Тут к нам вестовые приходили... Много люда к нам шло. Кто с просьбой, кто с поклоном, а кто и дань удумал нам платить...

Староста говорит медленно, подбирая слова. Пест же, услышав слово дань, начинает хмуриться.

– Слух за тебя, Пест, пошел, да так, что тебе челом бить приходили с дальнего юга. Мужики смуглые, с волосами зело черными. Мы таких и не видали, и за села их не слыхивали. Тебе поклон несли, да за дело спрашивали, – староста чешет лысеющую голову и, оглядываясь на мужиков, словно ища поддержки, продолжает: – А ты-то в городище. Мы им и так толкуем, и сяк, а уйдет один южанин, так на следующую седмицу северяне в шкурах придут. Да с такого севера, что и диву даешься. Росту маленького, с глазами узкими, как у люда с востоку дальнего. За села их и не слыхивали. А они все как один – вынь да положь мага-ведуна, что из села взрос. И деньгу несли, и камни разноцветные, и побрякушки золотые... Но ты не подумай! Мы

себе ничего не взяли. Объяснили, что ты только через пять зим воротишься. Мол, в Академии мажеской учишься. С тем и в обрат отправляли...

– Кто ж знал, что ты летом явишься? – поддержал старосту голос из толпы мужиков.

– А тут еще и срок подошел тризны по Аккилуре, – начал объяснять и жаловаться староста. – Ты как Аккилuru на костер положил, так, видать, и рассыпались знаки ее, что по селам соседним лежали... А посевная в самом разгаре и дел невпроворот... Ты бы нам с посевной подсобил, чем сможешь, а то нынче не поспеваем...

Мужики в избе начинают гомонить, обсуждая положение дел, и чем оно могло бы закончиться. Пест хмурится и глубоко вздыхает.

– За луга и поля нынче Лукаша озаботится, – немного подумав, отвечает Пест. – А мне надобно знак свой оставить во всех селам, за которые ответ держать буду.

– И за какие же села ответ держать будешь? – с ухмылкой спрашивает староста. Мужики тут же притихли, ожидая ответа Песта. Вестовые из Куприян, Дорожичей и Воржских рыбаков поднялись. Возникает пауза, во время которой Пест заглядывает в глаза каждому вестовому.

– Хотелось бы за все, что деньгу несли немалую, да боюсь не поспеть везде, – Пест пожимает плечами, словно извиняясь, и продолжает: – Я так думаю, что пока ответ держать буду за села Ведичей, Куприян и Дорожичей... Еще мыслю, что за рыбаков Воржских. Уговора с рыбаками не было, но зело доброе и нужное дело было от них.

– Рыбаки Воржские хоть и не ведут с нами дел прямых, но дело доброе делали, когда нас нужда припирала, – громко произносит уса́тый мужик из Куприян. – Добре!

– Ну, коли так... – бормочет староста, поднявшись из-за стола, – ...то завтра тебе в путь собираться надобно. Не дело это, чтобы села без знака твоего были.

Мужики еще что-то обсуждали и спорили, но ничего серьезного уже не было. Пест сидел в уголке и думал, посматривая на старосту. Тот заметил внимание, обращенное на него, и поспешил разогнать мужиков по домам, мотивируя это посевной и ранним подъемом.

– Вижу, есть что тебе еще сказать, так, Пестушка? – спросил староста, когда в доме остались они вдвоем.

– Есть, старшой, – тихо произнес Пест. В этот момент дверь скрипнула и в дом попыталась войти жена старосты.

– Брысь! – рявкнул староста, и супруга поспешно вышла, заметив, что в углу горницы сидят Пест и староста.

– Знаешь за ведовской рок? – без прелюдий спросил Пест.

– Знаю, – староста тут же нахмурился и подобрался, чувствуя, что разговор неспроста. – Узнал за свой рок?

Пест кивнул. Его взгляд уперся в пол у самых ног.

– За смерть мой рок таков: как смертью замараюсь, так на мои проводы она и пожалует, – Пест умолк, а староста спросил:

– Значится, не выйдет из тебя воя мажьего? – Пест кивнул, подтверждая слова старосты. – Значит, будешь как Аккилura, окольными путями ворожить, а прямо никого ворожкой убивать не сможешь... А сердце? За сердце рок знаешь?

– Знаю, но сам пока не понял, – хмурясь, ответил Пест. – А раз сам не понял, то чужому не скажу.

– Быть по-твоему, – со вздохом сказал староста и поднялся. – В дорогу когда собираться будешь?

– Сильно торопиться некуда, думаю, на этой седмице отправлюсь, – Пест тоже поднялся на ноги, протянув раскрытую пятерню старосте. Тот ее пожал. – И это... старшой, ты за Дакри-том присмотри. Он не злобный, но может куда не след нос начать совать...

– Так у нас и скрывать нечего...

– Все равно присмотри...

* * *

В доме рода Подова, в котором вырос Пест, уже давно погасили свет и царила полная тишина, нарушаемая только мирным посапыванием хозяев и их детей. На одной из «гостевых» лавок тем временем ворочался Дакрит. Он все не мог уснуть, вспоминая Черта с его договором.

В какой-то момент ему почудился еле слышный шепот.

– ...Договор... – послышалось ему. Сначала он подумал, что он сам себя накрутил, и не обратил внимания, но затем шепот повторился: – ...договор...

Дакрит повернулся на другой бок и увидел прямо перед своим лицом три глаза, расположенных треугольником. Под ними располагались два ряда белоснежных клыков, растянутых в улыбку.

– Черт! – прошептал Дакрит, чуть не свалившись с лавки.

– Тише! Перебудишь всех! – прошептал Черт еле слышным голосом. – Договор был – значит, делаешь, как я скажу!

Дакрит кивнул, подтверждая готовность действовать.

– Пест уйдет в соседние села, а ты, как Пест уйдет, так сразу идешь к старосте. В пояс кланяешься и за себя правду говоришь, но так, что, мол, решил узнать, как люд живет простой. Что хочешь делай, но он тебя в род принять должен. В любой. Понял? – спросил Черт едва слышным шепотом, уставившись на Дакрита немигающим взглядом. Тот в ответ кивнул. – И за договор помни!..

Три глаза и оскал белых клыков растворились в воздухе, а Дакрит еще около получаса ворочался на лавке, пока не уснул. Уже засыпая, ему почудился голос Черта, который прошептал на грани слышимости: «Спи!..»

* * *

Рано утром, еще до восхода солнца, на дворе стояли предрассветные сумерки, а из дома, скрипнув дверью, «до ветру» вышел Пест. Сделав все, чего требовал организм, Пест собрался уже войти в дом и потянулся к ручке двери, но почему-то остановился. Повернув голову к калитке, он замер, уставившись на едва светлеющий горизонт.

Словно наваждение, где-то вдалеке брехнул пес и закудахтали куры. Дунул теплый летний ветерок, шелохнувший крону старой кривой яблони и принесший запах... Слегка сладковатый и с примесью дыма. Это был неповторимый запах дома.

– Домом пахнет, – еле слышно произнес он и уже громче добавил: – Слышишь, Черт?.. Черт!

Слева от него появился огромный демон на четырёх лапах, с тремя глазами и громадной, полной множеством крупных зубов пастью. Пест повернул к нему голову.

– Чувствуешь, как пахнет? – с какой-то доброй улыбкой спросил Пест.

– Я не умею чують настоящий запах... только ворожбу и силу... – из-за приоткрытой пасти с зубами в три ряда было непонятно, улыбается Черт или просто не может убрать оскал с лица. – Сущности тьмы не умеют чувствовать запахи в том понимании, которое вы этому придаете...

– И ни один демон никогда не чуял настоящих запахов? – Пест разговаривал, не отрывая взгляда от горизонта.

– Нет, – ответил Черт.

Пест искренне улыбнулся Черту и по-простому, словно друга, спросил:

– Хочешь, я тебе дам свой нос понюхать, как мое село пахнет?

Черт молчал секунд двадцать. Пест уже отвернулся от него и вышел за ограду, не став дожидаться Черта. Тот переминался с лапы на лапу, но отвечать не спешил. Прямо перед оградой лежало белоснежное перо, которое Пест увидеть не мог. Черт же его прекрасно видел, но не мог понять его смысл. Когда Пест скрылся из виду, Черт аккуратно перелез через ограду и обратился к Песту.

– Что хочешь за то, что носом дашь своим почуять? – Черт внимательно оглядывал Песта в поисках следов вмешательства «пернатой суки».

Пест отвернулся от горизонта, на котором занималась зорька, и со странной улыбкой произнес:

– Ничего, – Черт в ответ хлопнул одновременно всеми тремя глазами. – Просто так, токмо ты слово дай, что только носом моим чують будешь и только чтобы запах почуять... Даешь?

– Даю, – спустя несколько секунд раздумий ответил Черт. – Даю слово свое, что не воспользуюсь ничем, кроме носа Песта, для того, чтобы запах почуять.

– Даю Черту право носом моим чують, – с ухмылкой произнес Пест и начал наблюдать, как засуетился демон.

Сначала он хотел просто облизнуть палец на лапе, а потом прикоснуться им к носу Песта. Помешал огромных размеров коготь, который чуть не выколол Песту глаз. Черт тут же отгрыз коготь. Когда он прикоснулся к носу Песта своим пальцем, то принялся втягивать воздух сквозь щели. Тут же он завертел головой, стараясь втянуть как можно больше запахов. А запахов было немало.

Запах растопленных печей, цветущей яблони, сырой от росы травы и легкие отголоски запаха струганной древесины. Это соседский сруб, который хозяева собрались ставить после посевной и сенокоса. Сруб стоял на другой стороне улицы на нескольких камнях. Его только приготовили.

Черт крутил головой и старался уловить разницу, каждый запах, втянуть как можно больше, словно оголодавшая собака, дорвавшаяся до еды. И с каждым разом он замедлялся. Словно это обычный воздух его пьянил. Он все медленнее и медленнее втягивал воздух, все меньше вертел головой, а потом и вовсе плюхнулся на задницу и уселся, как пес. При этом нос Песта он отпустил сам. Пест и не думал его останавливать.

– И так всегда? – спросил Черт. Он уселся, подогнув задние лапы и придерживаясь передними за землю. Если бы не огромная голова с непропорционально большим ртом, могло показаться, что рядом с Пестом сидит огромный пес. – Всегда так пахнет?

Пест сел рядом с ним, вытянув ноги. Они оба рассматривали рассвет. Село начало оживать. Послышались звуки скрипа дверей вдалеке и первые песни петухов.

– Всегда, – ответил Пест Черту, передернув плечами и ссутулившись от холода. – Я раньше этого запаха не замечал, а тут... как нашло что-то.

– Я думал, что знаю, как пахнут люди... – пробормотал Черт. Он наклонил голову вбок, но так неестественно, словно он вывернул себе голову, словно голова провернулась на 90 градусов.

Воцарилось странное молчание, нарушаемое отдаленной возней сельчан, словно этот шум подгонял неуловимый момент, очаровавший демона и мальчика-ведуну.

Самые странные метаморфозы начались на лице Черта. Гладкая черная кожа, переходившая сразу в десны зубов, начала морщиться, а его лицо исказила такая гримаса, что ни один человек не смог бы однозначно ее классифицировать.

На самом деле в этот самый момент демон Трингавалтол, в быту называемый Чертом, впервые со времени обращения в демона из мелкой нечисти попытался прекратить улыбаться.

– Черт...

– Чего?

– Дакрит... это твоих лап дело?

- Да.
- Зачем?
- Он будет ведуном...
- Моего слова за то не будет. Все по правде...
- По правде... – кивнул Черт. – По правде ты сам его ведуном назовёшь...
- Сам? – переспросил Пест, хмыкнув.
- Сам! – подтвердил Черт.

В этот момент скрипнула дверь в дом и из него показалась мать Песта. Сначала она перепугалась, увидев огромного Черта. Он и так на вид был не подарком, а уж когда повернул голову и мать Песта увидела вертикальный рот и три глаза сбоку – охнула и чуть не осела.

– Уйди! Нашел, кого пугать... – буркнул Пест, и Черт начал растворяться в воздухе. Мать Песта в это время испуганно изобразила в воздухе знак Единого и принялась причитать:

– ...Единый видит, предок знает... Пестушка, ты чего на земле сырой сидишь? – она поправила съезжающий платок с головы и добавила: – А ну как простынешь???

– Скажешь тоже! – с улыбкой заворчал Пест, поднимаясь с земли. – Меня ведь и ножами резали, и в кипятке варили, а ты? Простынешь!..

– Я вот отцу как расскажу все!.. – начала было мать, грозя Песту полотенцем.

– Не, я сам расскажу... – с улыбкой произнес Пест, поднимаясь и отряхивая штаны.

* * *

Этим же утром Пест ходит по двору и не может унять странного чувства...

С утра он хотел податься на поле, но его осадил отец. «Будет нужно – позовем, а коли нет, то и не по чину тебе поле пахать...» – заявил он.

– Не по чину... – нахохлившись, буркает Пест и, сложив руки за спиной, выходит во двор. Во дворе он заглядывает в пустые огромные кадки, которые обычно были заполнены водой, хмурится и начинает искать ведра с коромыслом. Найдя их, он выходит на улицу, отправляясь за водой к колодцу.

Пест за пару часов натаскал воды, но не вызвал ни у кого удивления или недоумения. Обычный отрок с коромыслом и ведрами, несущий в дом воду. При этом все знали, что он ведун, будущий маг и по окончании обучения – ненаследный дворянин. Никто не упрекнул его, не покачал головой и не попытался остановить. Сам Пест во время этой работы слегка улыбался, самыми краешками губ. С ним поздоровалась молодая девушка с таким же коромыслом, и он в ответ здоровался. Ему улыбались от души сморщенный дедок и сухая старушка, и он улыбался в ответ. С таким умиротворенным настроением он наполнил все свободные кадки. Когда воду просто некуда стало выливать, он начал оглядывать двор в поисках работы.

Глаз зацепился за чурбаны, сваленные на дальней стороне двора. Взяв колун, Пест принялся за рубку. Без магии, без каких-либо проявлений силы. Он просто колот дрова. Единственное проявление силы в это время – это отточенный до автоматизма процесс перегона по сосудам магии жизни.

За всем этим подглядывала Лита. Неумело, постоянно попадаясь на глаза. Когда Пест в очередной раз проходил мимо нее, пока она пряталась в высокой траве, он спросил:

– Ну и чего ты хоронишься? – Лита не ответила, словно и не к ней обращались. – Думаешь, я родную кровь не учую?

Надув губы и опустив взгляд, Лита вышла к брату, раскладывающему дрова в поленнице.

– Давно тумачов от матери не получала? – сказал Пест, даже не взглянув на нее и продолжая аккуратно выкладывать дрова в поленнице. – Чего без дела шатаешься?

– А я наказ выполняю! – заявила Лита, показав язык Песту. Тот стоял спиной к девочке.

– Ох, и оборву тебе язык! – буркнул Пест, и Лита тут же язык спрятала, прикрыв вдобавок рот рукой. – Это что же за наказ такой, что за мной глядеть надо, глаз не сводя?

– Мне мама наказ дала с тебя глаз не спускать, чтобы ты с ворожбы своей в обмороке не свалился! – Лита пожала плечами и, подойдя поближе, протянула Песту горбушку серого хлеба.

Пест усмехнулся и взял свежую горбушку, которая пахла давно забытым запахом дома. Он на пару секунд задумался, а Лита уже начала тараторить:

– Ты столько времени дела делал, а ни разу не сворожил! Почему ты ворожбой дрова не наколот? Не умеешь? А твои шарики ледяные теперь долго не тают?

Пест направился в сторону поленницы, у которой стояла лавка, а Лита продолжила сыпать вопросами.

– Ты, наверное, устал? А как там в городище живут? А ты там где жил? В Академии мажеской? А Лык говорил, что в городе лебеду не едят!

– Не тараторь! – буркнул Пест. От того, что мысли Литы бежали впереди языка, она очень быстро говорила, порой глотая окончания и предлоги. – По порядку говори!

Порядок дел в голове Литы был, и довольно строгий. Его вбила мать, обучая девочку готовке и домашним хлопотам. Но вот порядок мыслей и слов у нее отсутствовал напрочь. Поэтому, когда Пест сказал «по порядку», то мыслительный процесс юной занозы забуксовал. Пест взглянул на зависшую Литу и, вздохнув, начал отвечать на те вопросы, которые успел разобрать.

– Жил я поначалу в харчевне, что в портовом районе стоит града Вивека. Там работал за еду и грош в неделю, там и спал, – размеренно и как-то даже важно начал Пест. – Там и ворожбу свою тренировал. Печь магией грел, и корнеплод всякий этой же ворожбой чистил.

– А руками нельзя? – сделав большие глаза, спросила Лита.

– Можно и порою нужно, но ворожбу тренировать надо было. А у меня ее – хрен да маленько. Тут на волшебную мажескую, что в учебниках пишут, едва хватит. Вот я и магичил, что попроще. Если вихрь ветряной – то размером мне по коленку, ежели огня стену – то в аккурат под топку печки...

– Вихрь ветряной... – восхищенно глядя на брата, обмолвилась Лита. Ее глаза были прикованы к земле, где под ее ногами весело и бодро бегал малюсенький вихрь размером с ее ладонь. Сначала он был не особо виден, а потом, собрав мелкую пыль с земли, окрасился в серый цвет.

– ...так и учился. Ночью работал, утром учился, опосля зенита солнца спал, вечером книги мажеские читал или науку на деле учил, а ночью опять работал, – продолжал Пест, поглядывая то на вихрь под ногами сестры, то на ее восхищенное лицо. – Потом я работать начал в Академии мажеской.

– А там работников берут? – хмурясь, спросила сестра.

– Берут, только надо грамоту знать и считать уметь, а таких работников еще поискать надо. А как найдешь, так еще и деньгу платить, – Пест пожал плечами, словно сомневаясь в своих суждениях. – Может, деньга малая, а может, не любят городские у магов работать... Того не ведаю, но работников на факультете жизни и алхимии всегда не хватало. Работы валом, и не больно сложной. Там больше читать приходилось да считать.

– Это что ты там считал такое? – услышал Пест голос соседского парнишки. Он был с Литой одногодкой, но выглядел чуть-чуть постарше. Пест поднял голову и увидел, что рядом с ними начали собираться дворовые дети.

– Ну так! Растворы стандартные в зельях используют! А уж из них и варят зелья всякие. Ты как думаешь, будет ученик мажий полдня мучиться, чтобы стандартные растворы приготовить для зелья? Так оно ж никакого времени не хватит! – Пест взглянул на Прона, мальчика, задавшего вопрос. Тот задумчиво почесал макушку. Пест принялся снимать сапоги и разма-

тивать портянки с ног. – А я за деньгу эти стандартные растворы и готовил. Там четко знать надо, чего и сколько положить, как смешать, сколько кипятить...

– Так то ж запомнить можно! – не унимался малец.

– Ага, можно! Пять сотен стандартных растворов...

– Много, – нахмурился Прон. Этот соседский мальчишка был уменьшенной копией отца.

– Так прочесть и посчитать проще, – пожал плечами Пест. – На том и работал. Те, кого деньга устраивала – грамоте не обучены, а кто обучен – тому деньга мала!

– А в Вивеке, говорят, городище из камня? – слышался еще один голос одного из подошедших дворовых мальчишек.

– Из камня, да не в один этаж! Сам я комнату снимал за деньгу на третьем этаже, под самой крышей.

– Третий этаж – это высоко?

Пест почесал макушку и начал оглядываться, чтобы примерно показать высоту третьего этажа. В итоге он указал на яблоню, довольно приземистую, старую, но тем не менее достаточно высокую.

– Со старую яблоню! Вот, примерно, чутка повыше нее мое окно было. Дом из камня, но в том доме меж этажами перекрытия деревянные из цельных бревен.

Пест сидел на скамейке, рассказывая за жизнь в городе, а вокруг него собрались дети. Обычные, дворовые. Отроки во главе со старшими разошлись по привычным делам. Кто к реке, удить рыбу и ставить «морды», кто помогать на пастбище, кто в лес на ягодные делянки. В селе остались старики, женщины, занятые по хозяйству, и дворовая ребятня.

– И все улицы промеж домов камнем выложены. Да не простым булыжником, а тесаным. От того в дождь или слякоть в городище месива под ногами нет. Все подметают и все убирают. От того городище как камень нерушимый видится поначалу, – Пест, пока рассказывал, снял сапоги, которые порядочно успел износить, и босыми ногами начал шебаршить травой. – Но град тот не так прост. Люд в нем гнилой, и ежели для себя выгоды не увидит – помощи руку никогда не протянет...

Вокруг него уже начали собираться дети со всего села. Слух о том, что Пест за городище каменное рассказывает и ворожбу малую ворожит, не отрываясь, моментально облетел село.

Он просидел на этой лавке почти до сумерек. Детвору разогнали по домам возвращающиеся с полей мужики. До этого только матерям удавалось вытащить из толпы слушающих детей, да и то за уши. Всем хотелось послушать рассказы о каменном городе. Даже некоторые старики нет-нет да проходили мимо, останавливаясь, прислушиваясь и чему-то кивая. Некоторые и не по одному разу.

* * *

– Ну, давай теперь с начала рассказывай. Как в городище пришел? – отец Песта сидел за столом с кружкой горячего отвара, приготовленного Пестом. Его братья сидели рядом с ним с тем же отваром, но в кружках поменьше.

– Как Пикарда схоронил под деревом, так в путь двинул, – хмурясь, начал Пест. – К городищу подошёл в ночи, потому обождать решил. Пикард рассказывал, что на ночь ворота затворяют. А с рассветом я себя оглядел и решил, что уж больно на убогого похож. Волоса клочками, лицо и руки в земле по локоть, а штаны драные. Вот я в ручей ледяной и полез мыться да вещи от грязи мыть.

Отец и братья одобрительно закивали. С печи показалось лицо Литы. Ей тоже было интересно. Пест рассказывал подробно о том, как сам устраивался.

Он рассказал, как его попросту ограбили, как искал работу и как его попытались обмануть на рынке, как он учился сам, без подсказок, как нашел своего учителя, как ему при-

ходило засовывать руку в кипяток, чтобы научиться быстро лечить ожог на собственной руке, как приходилось просить отрезать себе палец Людвига, потому что самому духа не хватало. Как его принимали другие студенты, а вернее – не принимали, и вообще многие считали любопытным наемным простолюдином. Как он спорил с преподавателями, как учился на ходу всему, до чего допускали, как работал за грош в неделю и кров с харчами. Как познакомился с бастардом Людвигом и как до самого отъезда считал его другом, как нанимался по ночам чистить улицы от мусора и пробивать засоренные канализации. Как его приглашали в портовый район, чтобы лечить людей, как он стал единственным магом-целителем во всем районе и почему в этом районе никто из магов работать не хотел... Рассказывал все, без вранья и искажений. Говорил, как думал и как видел, но... Умолчал про баронессу Игрим, умолчал о том, что его несколько раз с того света вытаскивал Черт, умолчал про свой рок...

Когда он рассказывал о портовом районе, отец его спросил:

– И у фонаря того прямо и лечил?

– Часто прямо там и лечил, – пожал плечами Пест. – Токмо ежели одной ворожкой обойтись можно было, и до рассвета управиться. Иначе говорил, что нужно для справно́го лечения, и договаривались, где лечить будем.

– И большую ли плату за то брал?

– А тут, видишь ли, какое дело, бать... – Пест замялся, не зная объяснить отцу странную ситуацию с платой лекарям. – Коли ты маг и знак целебный на груди имеешь, то без зазора можешь плату брать, какую удумаешь, а ранг твой говорит о том, насколько хорошо ты лечишь. Вроде как знак, что сей маг в носу не ковырялся и ученье целебное знает зело хорошо. Ежели ранг низкий, то сие есть знак, что ученик ученье знает худо или же изучал его факультативно...

– Фа-куль... – Огниво хотел повторить незнакомое слово, но не смог.

– Это значит, что маг целительство учил, но сие не есть его дело, – Пест почесал макушку и попытался объяснить на пальцах. – Вот тот же маг боевой, он бою учится, но если он бою учится, то должен уметь врачевать. Но врачевать по-особому. Ему надо уметь жизнь раненому сохранить, пока маг-целитель до них доберётся...

Огниво повернулся к брату Дыму и соорудил мину, говорящую «Вона как!», а тот в ответ кивнул на Песта, тоже соорудив мину «А то ж». От их отца не укрылись переглядки братьев. Он уже давно замечал, что они мало разговаривают и больше общаются переглядами. Он сваливал этот странный факт на то, что Дым и Огниво двойняшки. Жена чудом родила двойню, и если б не старая ведьма Аккилура...

– ...А коли на тебе знака целителя нет, то и брать деньгу за дело целебное права не имеешь... – Пест запнулся, поглядывая на хмурящегося отца.

– Ты что же, за доброе слово лечил? – спустя пару секунд спросил отец и добавил: – За доброе слово не грех хворь лечить, но раз за так вылечил, два, а потом на шею сесть могут! Помнишь, как старый Чинук из Дорожичей к Аккилуре захаживал? То в спине стреляло, опосля того как сено стогами кидал, то кипятку чан большой на ногу опрокинет...

– Помню, батько! – кивнул Пест.

– Так оно! – синхронно произнесли братья.

– Ну-ка! Огниво! Помнишь, опосля чего старый Чинук унялся? – спросил отец одного из братьев. Если он не называл имени, то обычно начинали говорить оба брата одновременно.

– Ушел он от Аккилуры синий, аки голубика зрелая! – улыбаясь, ответил Огниво.

– То его Аккилура прокляла! У него девять сыновей и пять дочек, а он все не унимался и везде сам все лез делать, – добавил Огниво. – Нет, чтобы молодым оставить, он поперек лез. И чан тот он сам себе на ногу опрокинул. Сыновья тогда его ругались, мол, спасу нет, восьмой десяток зим, а все сам делать лезет. А он уже тогда спиной маялся и кривой ходил...

– То-то же! – поднял палец вверх Под. – Когда лечишь без платы – ты в человеке ответ губишь за своё здравие! То не только о лечении сказать можно. Любое дело, Пест, надо тебе

делать за плату. Иначе люд сам свои дела делать разучиться. Ты вот сёла под себя взял, но коль за каждый шорох они тебя дергать будут? На каждый чих к тебе побегут, мол, спаси-помоги?

– Тому меня Аккилура учила! – ответил, хмурясь, Пест. – И с люда портового я плату брал!

– Плату брал? – с прищуром спросил отец. – Против указа государева?

– Брал! Не как маг-целитель, а как ведун по праву! – Пест глянул на хмуриющихся братьев и отца и начал объяснять: – По государеву указу ведун аль знахарка какая не может в городище за своё дело больше серебрушки брать! Вот я и брал серебрушку! Я ж вперед ведун, а потом уже ученик Академии мажеской...

На несколько секунд повисла тишина. Отец взглянул на братьев. Те в ответ синхронно кивнули.

– Добре! – в итоге ответил отец, и Пест заметно расслабился. Отец же добавил: – А теперь, раз назвался вперед ведуном, то и дальше будешь брать деньгу как ведун, даже когда знак мажеский о целительстве получишь! Таков мой наказ, пока ученье не окончишь! Усек?

– Усек... – буркнул Пест, опустив виновато взгляд.

– А почему у тебя знака целительского нет, коли лечить умеешь? – задумчиво спросил Дым.

– Так не было в нем нужды, – почесав макушку, ответил Пест. – У меня ученья много было всякого, а про экзамен по целительству я и не думал. Ратмир, учитель мой, меня вперед учил самому не помереть и войне мажеской...

– Теперь думай! – строго сказал Под. – Луна высоко уж, завтра с утра в поле надобно, а мы все лясы точим...

– А меня почему... – хотел было снова возмутиться Пест, но отец его оборвал.

– Потому, что не пашня твое дело! – Под сказал это громко, резко и так, что мямлить что-либо или возражать желания не появилось. – Ты видел, чтобы Аккилура сама землю копала или козу доила?

– Так старая она была... – начал было Пест.

– Она меня одной рукой за шкурку как котенка от земли поднимала! – наклонившись к Песту, произнес Под. – Она такая же немощная была, как ты сейчас. Не по чину ей этим заниматься было! Ее дело было – ведать за сёла наши. А ее прокорм селом держали. У кого что было, тем и жаловали.

– Так это мне теперь что, белоручкой быть каким? – смутившись, спросил Пест.

– А ты думаешь, тебе дел не найдётся? – с прищуром спросил его отец. – А кто Лукашу принес к нам? Кто его дом ставить по уму будет? Он вчера все поля оббежал, в каждую канаву заглянул! А Хозяев наших обойти, чтобы ягода в лесу была, чтобы рыба не уходила? А посевное зерно кто окропит? Без дела не останешься! Ты за то не бойся...

– Тебе как бы все поспеть к урожаю... – задумчиво хмыкнул Дым.

Село Ведичей

Вечерело, и на село опускалась тьма. В самой большой избе проходило очередное собрание. За столом сидели все старосты родов Ведичей. Посередине избы стоял Дакрит в одежде горожанина. Несмотря на то что вещи на нем были самые обычные, на фоне сельской одежды они выглядели довольно зажиточно. Да, в портовом районе они тоже смотрелись бы не очень уместно, но в селе они резали глаз. Одни сапоги из кожи с медной бляхой чего стоили. В полумраке в углу, так же, как когда-то Аккилура, на табурете разместился Пест. Так же сложив руки в замок на груди. Он не выступал, не возражал, а только похмыкивал иногда.

– Читать я обучен и считать, – начал своё выступление Дакрит. – Счет знаю глубокий, могу и формулой считать, а могу и таблицей. Знаний много имею, ибо торговал мой наниматель всем, что продается. С малых лет грамоте обучен, и потому более ничем не занимался.

– Когда грамотный такой, чего в городище не остался? – спросил один из хмурых мужиков.

– А дело к старости идет... – вздохнув, произнес Дакрит. Он почесал щетину на лице и, разведя руками, продолжил: – А кому я в городе нужен? Детей-то нет... Если немощный стану или приболею? Кому я такой нужен? Если денег не станет или заболēju надолго, так и помереть можно. Воды никто не подаст. Раньше-то я так думал. Мол, если старый совсем стану, то хозяин как-никак помереть с голоду не даст. Все же с четверть века работаю у него... А он взял да раньше меня помер. Вот я и пошел своё место искать...

В избе повисла тишина. Мужики переглядывались, но голоса никто не подал.

– Слово мое будет таково! – объявил староста, поднявшись из-за стола. – Дакрит, урожденный в граде Вивеке, будет в селе жить нашем! Слово тебе, Пест! Не запачкан ли Дакрит смертью и не несет ли злого умысла?

В углу поднялся Пест. Он сделал шаг, чтобы выйти из тени.

– Злого умысла за Дакритом нет и смертью он не пачкан, – ровным тоном ответил Пест.

– Коли так, то есть ли род, что примет его и своим родичем назовет?

В избе повисла звенящая тишина. Желających принимать в род чужака не нашлось.

– Средний род примет Дакрита, урожденного в граде Вивеке, – произнес Пест и оглядел всех мужиков в доме. – Но коли хочет Дакрит мужиком рода Среднего зваться – пусть докажет делом. Пусть сам, своими руками научится кашу варить, лапти вязать, снасти рыбные готовить, Хозяев наших чтить и предков поминать. Средний род принимает Дакрита и дает ему право называться Дакритом Средним, но в роду он дворовым мальцом будет, пока делом не докажет, что мужиком зваться может.

Мужики загудели, на Дакрита посыпались вопросы.

– Тю! А ты что ж, лаптей вязать не обучен?

– И каши не варил?

– А я сижу, думу думаю! Где ж тут собака зарыта? Отчего мужик грамотный и без места своего?

– Поди, и лопату в руках не держал!

– Так он же и дров не наколет, и коромысло вертеть будет как юродивый!

Дакрит сник головой, опустил взгляд и покраснел. Лица было не видно, и поэтому нельзя было точно сказать от чего. То ли от злости, то ли от стыда. Видя такое состояние Дакрита, староста не стал ждать выяснения и вмешался.

– А ну цыц! – рявкнул он на мужиков. – Зачем мужика с сединой в бороде стыдите? Не юродивый он! Грамотный и ученый! Мы еще посмотрим, как вы запоете, когда его науку учить возьметесь!

Мужики притихли, а староста продолжил:

– Вы на себя посмотрите! Много у нас читать умеют? – он обвел взглядом мужиков. – Черт с ним, читать! Буквы-то все знают много? Я, да Рунок с дочкою. Пест у нас еще грамотный. Все!

Мужики стали отводить взгляд, словно чего-то стесняясь.

– Коли такое дело, Пест, что у тебя в роду люд объявился, то роду Среднему где-то жить надо. Пока посевная – избу ставить некогда, потому, думаю, жить роду Среднему в землянке Аккилуры.

Сначала воцарилось молчание, а потом послышались шепотки мужиков.

– Печь там справная! Добре! – кивнул Пест, не обращая внимания на шепот. – А тьмы или духа злого там нет.

– Вот и ладушки! – тут же вставил обрадованный староста.

– Только дел на мне немало! Туго мне будет учить Дакрита, – тут же вставил Пест. – Дай добро, староста, чтобы Дакрит учился с детворой в любом роду, каком вздумается!

Староста нахмурился и взглянул на мужиков.

– А чего? Дело же говорит! Песту ворожить надо, а не мужика учить лапти да морды рыбные вязать!

– И то верно! Нехай с детворой босой учится.

– Ну, глядишь, и выучится!

– Быть посему! – хлопнул ладонью по столу староста, привлекая внимание мужиков. – Дакрит, урожденный в граде Вивеке! Согласен ты в род Средний пойти и родичем быть в нем названным?

– Согласен, – сухо ответил Дакрит.

* * *

– Добре! – констатировал Лукаша, глядя на свой домик. Тот стоял на столбе высотой со среднего отрока. Вокруг было начерчено несколько пентаграмм и странных кругов из рубленых символов. Все пентаграммы и круги сочились дымом, словно остывали. – Добре, Пестушка! Теперь я по всем полям невозбранно бегать могу и силы на то тратить не буду!

– Силу тебе все равно в камнях-накопителях держать придется, – уставшим голосом ответил Пест. – Мы с Дакритом и так считали, и эдак... Не сделать нам прямого канала ни из одного места силы. Больно потери выходят большие.

– Ну, не главное это! Главное, что я по полям бегать буду, и пригляд будет везде! – Лукаша начал довольно потирать маленькие ручонки. – А с силой не беда! Силу в накопители собирать будем! Нехай отроки в места силы носят камни, а потом мне возвращают. Дело-то немудреное! Подумаешь, камень три дня в месте силы полежит...

– Надобно, чтоб в местах тех, в самом сердце, камень какой лежал меченый, а уж на него класть накопители.

– Зачем? – недоумевающе спросил Лукаша.

– Отрок не мужик, ему-то не понять, что да зачем. Ежели места конкретного не будет, то он может и не донести накопитель до места силы, или с краю положить, – Пест пояснял Лукаше, начав рисовать ножиком прямо на земле. – Это мы с тобой место нутром чуем, а отрок? Он-то, поди, место знает со слов, верста влево, верста вправо.

Лукаша почесал затылок, сдвинув травяную шляпу на лоб, а потом добавил:

– Надо к хозяину Лесному идти. Он тропу проложит так, чтобы не свернуть было, и камень с ним состряпаем. Мхом каким интересным измажем! – начал на ходу придумывать Лукаша.

Пест в это время, периодически кивая и поддакивая, начал рыться в небольшом заплечном мешке. Он принёс в нем ингредиенты и зелья, необходимые для привязки артефакта-домика, и сейчас искал несколько крупных камней-накопителей. Лукаша с рассуждениями и размышлениями начал расхаживать вокруг домика.

– Ты вот что, Лукаша, – Пест протянул шесть прозрачных камней Лукаше. – Эти камни тебе про запас, а вот этими ворожить можешь. Тут не много, но сила сырая. С нею по-слабому можешь любую ворожбу творить, и... ты только смотри, аккуратно!

– Пестушка, а я тут думал, думал... – озабоченно произнес Лукаша. – Я как разумею... Чтобы урожай был добрый, надо вперед землю ворожбой умаслить да посевное зерно силой напитать. Так, чтобы оно как посеешь, враз ка-а-ак взошло!

Лукаша начал размахивать руками, объясняя замысел.

– Чтобы воо-о-от такой колос в поле стоял! – Лукаша в порыве мечты начал подпрыгивать и показывать высоту колоса, который хотел бы вырастить, но из-за своего роста получилось у него не очень высоко. Использовать магию, чтобы взлететь, Лукаша не решился из-за природной прижимистости домового. – Вот тогда, вот тогда мы столько зерна соберем, что

амбар под самую крышу забьем, так что мужики двери в амбар бояться будут открыть, чтоб не завалило!

– Держи карман шире! – усмехнулся Пест, но слова бывшего домового запомнил. – Амбар до крыши? Скажешь тоже... а землю и впрямь готовить надо. Ты вот что, Лукаша... Давай-ка берись за землю. Сдобри ее ворожкой и силушки не жалея, а я, если что, тебе пришлю отроков, они камни пустые в места силы отнесут.

– А ты посевным зерном займешься? – смекнул Лукаша.

– Ага, я пока за посевное зерно возьмусь и буду с хозяином Лесным говорить за ягоду и грибы, – Пест начал складывать инструменты и пустые склянки в сумку. Каждую стекляшку он складывал, предварительно обмотав травой. Стекла в селе Песта не было, и он очень боялся их разбить. Отец, когда первый раз увидел столько мелкой стеклянной тары, заподозрил Песта в лихом деле. – Мне тут мастер Дакрит идею подкинул. Ежели тебе канал прямой силы не сделать, то хозяевам нашим можно! Сделать так, чтобы им сила всегда шла!

– А не взбеленятся они, коли силу будут не от людей брать, а из места силы напрямую? – Лукаша, хмурясь, почесал затылок. – Не торопился бы ты с таким, Пестушка...

Пест даже прекратил складывать вещи и задумчиво глянул на Лукашу.

– А ведь дело говоришь... Надобно это со старостой обговорить, или вообще с главами родов. Одному такое решать будет не по чину. Такое слово и дело с хозяевами на каждом след оставит...

– Дело говоришь! – закивал Лукаша. Он глядел на сборы Песта и спросил, скорее так, для интереса: – А со знаком своим решил что?

Пест оторвался от своего дела и взглянул на Лукашу. Вдохнул, махнул рукой и принялся дальше складывать стеклянные пузырьки.

– Чего? Неужто дюже худо со знаком у тебя? – удивленно спросил Лукаша.

– Худо... – со вздохом ответил Пест. – Смотрели мы прах, что от знака аккилуrowsкого остался. След от ворожки темной там до сих пор есть, а в следе том... там такого навечно! Баба Аккилура через тот знак слышать, видеть и говорить могла, а когда надо – и морок навести! И сама предстать перед говорившим могла, аки живая и настоящая. И сие без мажьей волшбы! Только ведовство и колдовство темное. Дакрит, как увидал, что наворожила Аккилура в знаках своих, сразу рисовать принялся и чуть ли не носом в знак тыкался.

Пест затянул горловину заплочного мешка, отчего тот сжался. Послышался слабый стук стекла об стекло. Он аккуратно надел мешок за лямки и поднялся.

– То, Пестушка, потому наворожено, что Аккилура по теням не шастала и в любую тень уходить не умела! Вот для того стряпала ведьма старая артефакт такой! – Лукаша забрался по столбику к своему домику и уселся на крылечко.

– Это-то и так ясно. Я о том толкую, что мне такой знак не сделать... – Пест потупил взгляд, словно извиняясь. – Больно ворожка тонкая и темная... меня с тьмы и смерти воротит, аки болезного...

– Тебе такого не надо! Ты сам прикинь, что тебе от знака твоего в селе надобно?

Тут Пест задумался, и задумался крепко.

– Ну... тут как? Мне наперед надо знать, коли где беда случится. Чтобы любой ведал, как меня позвать, – Лукаша сидел и глядел на Песта, говорившего эти слова, и одобрительно кивал. – Далее надо мне, чтобы мне могли весть словом передать, ежели случилось чего такого, что вроде и не беда, но и добром не назовешь. А еще хотелось бы, чтобы видеть можно было через знак...

– Главное-то забыл! – хмыкнул Лукаша.

– Ну, то само собой! Надобно, чтобы знак тот являл каждому, кто тронет его, что знак этот – мой! – хмыкнув, ответил Пест. – Вот вертели, значит, мы такой артефакт с Дакритом и так и сям. Дорогим выходит такой артефакт. Дороже золота весом...

– Ай-ай-ай! – закивал и осуждающе погрозил пальцем Лукаша Песту. – В чем твоя ворожба сильна, Пест? Что умеешь так, что не один маг, кроме учителя твоего, повторить не может?

– Ну, врачевать себя могу...

– Ой ли? – с хитрым прищуром спросил Лукаша. – А ну! Глянь на руку свою! Глянь, глянь... А теперь ноготь свой толкай, чтобы вырос он длинным, с палец длиной... Толще делай его! Толще!..

Пест сначала не понял, чего хочет домовой, но потом... Ногти под взглядом Песта начали расти и утолщаться. И чем дальше, тем сильнее ноготь становился похож на хищный коготь.

– Эту, Пестушка, ворожбу метаморфизмом именуют. Маги, что им владеют, вперед своё тело меняют. Они из тела своего и оружие сделать могут, и другой артефакт какой...

– А ты откуда знаешь? – спросил Пест, не отрывая взгляда от своей руки, которая обзавелась мощными и хищными когтями.

– А я сдуру, пока ты учебой занят был в городище, в библиотеку нос сунул. Много книжек я перечитал, пока там ходил. Я-то думал, что найду там слово за поля и посевы, а там только за ворожбу, за цветки да травы, для волшбы пригодные. Там с мужиком бородатым и свел знакомство, – Лукаша усмехнулся, когда вспомнил библиотекаря, с которым они провели не один вечер в спорах и беседах. – Умный мужик, но дурак!

– Это как? – не понял Пест.

– Знает много и разбирается в том, что знает. Однако не понимает, как хлеб печь или вкусную похлебку сварить, – домовый пожал плечами, словно объяснял элементарные вещи. – Он за ворожбу все назубок помнит, а сколько навозу коровьего надо на аршин поля – ведать не ведаёт!

Пест хмыкнул, представив ступор библиотекаря.

– Тот мужик меня сам учуял, когда я по книжным полкам шастал. Сигнализация бунтовать у него начала. Говорила, что в хранилище проникли, а там только я. Вот он с хитрым артефактом носиться по хранилищу начал, а потом давай звать меня, мол, «выходи, ворюга»!

– А ты?

– А что я? Я ему в ответ, мол, «Сам дурак!»

– А он?

– А он давай кричать, мол, «государев сыск позову! Выходи, ворюга!»

– Ну! И?

– А я что? Я ж чужого в жизни пальцем не коснулся!

– И ты вышел? Сам показался?

– Не, сначала я ему том «О влиянии созвездий и циклов Луны на процесс роста Солнечного Висима» скинул на ногу... По-моему, 7-й том... или 5-й? – задумчиво ответил Лукаша. – У того тома железом обложка обита была... Точно седьмой!

– погоди, так тот погром в библиотеке...

– Не, то не я! То государственные сыскатели библиотеку разворотили, мужик тот меня не нашел и государев сыск позвал...

– Заварил ты кашу! А при чем тут метаморф...

– Метаморфы, – поправил Лукаша Пест. – А ты сам не понял? Ты из себя артефакт сделать попробуй! Ежели тебя не кусок кости ящерицы звать будет, а твоя плоть? Ежели ты своим же ухом слушать будешь или своим же глазом?

Пест начал разминать кисть. Воспоминания об отрубленных пальцах не оставляли его.

– Больно будет, но для дела можно и потерпеть...

– Ты бы с Чертом за такой артефакт поговорил. Он о таких делах больше меня знает, – Лукаша поднялся с крылечка и, сняв шляпу, собрался в дом. – Тут с кондачка не решить

вопрос, тут надо все обдумать, но то, что артефакт из плоти своей делать – это к гадалке не ходи...

Восточные вольные земли

Село Куприян

– Ну, Черт! Не дай Единый не выйдет! – шевеля одними губами, говорил Пест. – Я тебя точно «Печатью света» приложу, раз пять, чтобы неповадно было...

Пест стоял перед огромной толпой. В передних рядах толпы стояли только мужики. Все как один были с большими густыми усами. Даже еще молодые парни щеголяли еще жиденскими, но усами.

Между Пестом и толпой вышел мужик в белоснежной рубаше и широких штанах.

– С чем пожаловал, Пест-ведун? – спросил он, подкрутив правый ус и уперев руки в пояс.

– За словом своим пожаловал я! – громко произнес Пест, так, чтобы его было всем слышно. – Слово дал я, что за оплату учебы в Академии мажеской быть мне магом наместным среди сел Ведичей, Куприян и Дорожичей! А нынче к вам я пришел, чтобы знак свой оставить. Тем знаком, коли беда случится, меня звать будете.

– Прямо так и звать? – с сомнением спросил староста Куприян. Он хмурился и накручивал правый ус в недоверии.

– Прямо так и звать, а когда надо будет – то и слово молвить. Коли придётся, то и казать знаку будете, как глазу моему... А уж как до вас добратся, то моя ворожба будет, – Пест протянул руку старосте Куприян, но тот не спешил ее жать.

– А что можешь, Пест-ведун? – с сомнением спросил староста.

– Ведовское дело мое... – начал перечислять Пест. – Врачевать могу, да с тварью какой справлюсь, ежели сами не сдюжите. Знак войны мажеский на мне есть. Третьего рангу.

Мужики за спиной старосты загомонили, а сам староста нахмурился, начав еще сильнее крутить правый ус, который уже и без того торчал почти вверх.

– Добре? – спросил староста, оглядываясь на мужиков позади себя.

– Добре!

– Добре, чего тут думать!

– Добре! Славный ведун!

После того, как гомон ответов мужиков стих, староста взглянул на Песта. Тот так же продолжал стоять и протягивать руку. Староста подошел к Песту и пожал руку, негромко произнеся:

– Добре, Пест! Под тобой ходить будем! – староста указал на дом с резными ставнями и наличниками. Но молодой ведун не спешил отпускать старосту. Наоборот, он ухватил руку старосты второй рукой. Подойдя вплотную к старосте, он прошептал тому на ухо:

– Сие есть плоть моя. От нее не отрекаюсь я! – Пест глубоко вздохнул, начав гонять магию жизни по своей руке, которую жала рука старосты. – Ежели худо станет – режь ее, как врага села своего. Боль ту я почую как свою, и знать буду, где меня режут. Тогда и помощи моей долго ждать не придётся... Коли беды не будет, но слово и совет с меня потребуется – ты знак мой погладь и слово ему молви...

Пест отстранился от старосты, и тот почувствовал, как мокнут штаны в районе колен. Староста опустил взгляд и увидел свои штаны, перепачканные в крови. Кровь брызгала струей из культи Песта. В руках старосты осталась его кисть. На тыльной стороне кисти красовалась ушная раковина. Ошарашенный староста взял кисть в другую руку. В ладони Песта сквозь разошедшуюся кожу стал виден глаз, который смотрел на старосту.

Послышался гомон мужиков, тихий стон женщины и неуверенный лай собаки где-то вдалеке. Бледный староста обернулся к сельчанам, держа в руках кисть Песта. На ладони был четко виден глаз.

* * *

Пест смотрел в глаза-блюдца старосты Воржских рыбаков. Эти глаза переводили взгляд с кисти Песта, оставшейся у него в руках, на самого Песта, который, закусив губу, затягивал магией рану культи. В этот раз крови было не в пример меньше.

Пест стоял почти впритык к старосте. Он приблизился еще сильнее и шепотом произнес ему на ухо:

– Сие есть плоть моя. От нее не отрекаюсь я! – Пест облизал пересохшие губы, начав уже как обычно гонять магию жизни по своей руке. – Ежели худо станет – режь ее, как врага села своего. Боль ту я почую как свою, и знать буду, где меня режут. Тогда и помощи моей долго ждать не придется. Коли беды не будет, но совет или слово с меня потребуется – ты знак мой погладь и слово молви ему.

Рыбак сглотнул и начал что-то говорить, но Пест его не слышал. Все вокруг вмиг стало черно-белым и немым. Ни одного звука. Он сделал пару шагов назад, и его начала заполнять непонятная тревога. Глаза бегали по обеспокоенным лицам Воржских рыбаков. Староста продолжал что-то говорить, но потом начал хмуриться.

– Беда... беда дома, – начал бормотать Пест. Он еще ничего не слышал, но мысль, носившаяся в голове как шальная, не отпускала. Он посмотрел в лицо старосте и произнес: – Беда у Ведичей...

Староста сначала пытался о чем-то спросить Песта, но не получив ответа, принялся раздавать команды мужикам. Те стали срываться с места и разбегаться по селу, по одним им ведомым делам. За ними зашевелились женщины и старики, также пришедшие засвидетельствовать смену хранителя деревни. Спустя пару минут рыбаки начали возвращаться с короткими клинками, луками, пращами и колчанами стрел.

Пест немного постоял, ошарашенно наблюдая за массовым движением народа, и вдруг подпрыгнул. Он подпрыгнул ровно вверх и приземлялся на прямые ноги. Только ноги не коснулись земли. Они провалились в тень, которая была под Пестом. За ногами и весь Пест исчез в собственной тени, словно провалившись в нее...

Глава 2

Земли села Ведичей

Ближнее поле

Справа от плеча Песта стоял брат Дым, а возле левого стоял его второй брат Огниво.

– Мы в поле были, когда они на нас вышли... – начал Огниво.

– ...кто с чем был в руках, с тем и кинулись на них, – продолжал Дым.

– Кто ж знал, что эти трое конных – половина? Да и конные не простые... В латах, с мечами добрыми, со щитами, сталью окантованными... – Огниво говорил сбивчиво, сквозь зубы, крепко сжав челюсти.

– Батю сразу стрелой приложило в глаз, они с мечами наголо к мужикам нашим не ринулись. Сначала из луков постреливали. Прямо с коней, словно на охоту вышли, – продолжил Дым. Он говорил более ровно и по существу. – Потом уже, когда я с Огнивом да Пронька пращи достали и по ним камнями вдарили, они к нам поскакали. Отец не сразу слег, и с мужиками, пока мы камнями по конным били, с телеги жерди посрывали. Вот этими жердями, как копьями, они их с коней и посбивали.

Пест стоял и смотрел, не моргая, на труп своего отца Пода. В глазу Пода торчало короткое обломанное древко стрелы, а на шее зияла вывернутая рана. В ней виднелись мышцы шеи и хрящевые кольца трахеи.

– Отца один по шее рубанул, но не дотянулся... Только мясо перешиб, но батьке хватило... – Огниво начал сжимать и разжимать кулаки, периодически похрустывая суставами. – ...Кровью истек...

Пест сел на землю посреди поля и поднял руками голову отца. Он положил ее себе на колени и просто уставился на него. Выдернул стрелу из глазницы и начал поливать рану на шее водой из кожаного бурдюка, который висел у него на поясе, стараясь смыть уже запекшуюся кровь.

– Вoroжбе учился... бою мажескому учился... а отца родного не уберег... – Пест бормотал это себе под нос, не обращая внимания на Дыма и Огниво, что-то еще объясняющих и рассказывающих, ни на старосту, который прибежал из деревни в сопровождении нескольких отроков. За ними вдалеке плелись не поспевающие старики.

– И у вас... – с отчаянием произнес староста, когда подбежал поближе и увидел несколько тел мужиков, лежащих неподвижно в траве. Он обошел каждое тело, что-то шепча, пересчитал всех и подошел к Песту. – Шестеро мужиков...

Он вскинул голову к небу и еще раз произнес:

– Шестеро...

Староста опустил взгляд на Песта и уже более собранно добавил:

– В село зашли четверо конных. Мужиков не было, а они рубить с плеча принялись... Трое дворовых пацанов, две бабы, четверо стариков...

– Кто? – хрипло спросил Пест, продолжая рассматривать выражение лица собственного мертвого отца.

– Там двоих из седла отроки выбили. Двое ушли, – начал староста, поглядывая на Огниво и Дыма. – Одного отроки насмерть тут же порвали, а за второго старики вступиться успели. Он и рассказал...

– Кто они? – повторил Пест свой вопрос. Он все так же не отрывал взгляда от лица отца. Его кадык носился вверх-вниз, словно пытался что-то проглотить. Глаза заволокла тьма. Непроглядная, чистая тьма.

Староста замешкался, и Пест обернулся к нему.

– Откуда конные? – спросил с нажимом Пест сбледнувшего старосту. По щекам Песта потекла черная, тягучая, как прошлогодний мед, тьма.

– Вои с Ультака... прознали, что Аккилура душу Единому отдала, – словно боясь Песта, произнес староста. – На щитах Ультака знак, того, что порвали, дед Хирон признал. В Ультаке старшего средний сын...

Пест отвернулся и снова уставился на мертвого отца. Огниво в это время начал скрипеть зубами от злости.

– Виру! – произнес Огниво. – Виру кровью хочу!

– Не будет виры, – тихо произнес Пест. – Резня будет...

* * *

После похорон, состоявшихся этим же вечером, в доме старосты собрались главы родов. Те роды, что лишились своих глав в результате налета воинов из Ультака, были представлены старшими мужиками или вообще отроками.

Староста мельком оглядел мужиков, потом остановил взгляд на Огнине и Дыме.

– Верно Пест сказал. Резня будет, – староста потер руками лицо и добавил: – Как старшой в Ультаке узнает, что Аккилуры больше нет, что кровиночка его тут полегла от рук наших, так и придет к нам с воями. За кровь свою спрашивать...

– Так его кровь сама к нам с мечом пришла! – возмутился Огниво.

– А ты поди разбери, кто куда пришел и чья кровь вперед полилась! – тут же ответил ему Дым спокойным размеренным голосом.

– Верно Дым говорит, – кивнул староста. – Ультаку повод нужен, чтобы села свободные прибрать, дань с нас брать. А уж мертвая кровь отпрыска – повод немалый.

– Что же нам теперь? – спросил огромный мужик с пудовыми кулаками. – С воями из Ультака биться? Так ведь в Ультаке их не пара десятков! А ну как пару сотен пригонят? Что делать будем?

– Пест? – не обращаясь ни к кому конкретно, спросил Лык, мастер рыбного дела в селе Ведичей.

– С Песта толку будет мало, буде до битвы дело дойдет, – на старосте скрестились непонимающие взгляды. – Рок у него. Как в смерти запачкается, так она его с собой и заберет...

Лица мужиков после этих слов тут же посмурнели. В доме старосты повисло почти осязаемое чувство отчаяния.

– Как бы то ни было, но биться все равно будем, – произнес староста, сжав руки, лежащие на столе, в кулаки. – До последней крови будем! Клич по сёлам соседним кинем. Кто воями богат – поможет.

– Пест тоже в бой пойдет, – четко объявил Дым. – Не удержишь ты его, старшой. А он подсобит в бою, как Аккилура нам подсобляла...

– Чем он подсобит? – спросил один из мужиков, сидящих по правую руку от старосты. – Он ведь сам слово молвил, что толку с него...

– Ты, старшой, сам видел тьму, что с глаз его текла! – вмешался в разговор Огниво. – Ту тьму, что Аккилуре подчинялась. Ежели Пест дело делать будет не как маг недоученный, а как ведун, за которым слово Аккилуры? Сдюжит он, и толк от него будет!

Староста взглянул на Дыма. Тот молча кивнул в ответ. Он переводил взгляд с одного главы рода на другого. Все молча кивали.

– Что же выходит? Хоть свет, хоть тьма, но села убересть надо?

– Я так разумею, – кивнул Дым.

– Выходит, что так, – поддержал один из мужиков.

– Хоть с чертом бок о бок биться буду, но кровь свою под Ультак не пущу! – огромный мужик с пудовыми кулаками стукнул по столу, отчего тот скрипнул и слегка подпрыгнул.

* * *

В вечернем полумраке, который наполнял дом рода Подова, суежилась Лита. Она вертелась у печи, готовя нехитрый ужин. Ее мать тем временем сидела на лавке за столом и, не моргая, смотрела в небольшое оконце. За ним смеркалось, и света от лучины было больше, чем от окна.

– Мама, поешь! – обратилась к ней Лита, ставя перед ней тарелку с парящей ароматной кашей. Мать не прореагировала. Даже не моргнула. Лита принялась трясти ее за плечо, и та встрепенулась.

– А? Что?

– Мам, тебе поесть надо! Ты сегодня не ела совсем...

– Не хочу... – одними губами произнесла в ответ мать, бездумно глядя в тарелку с парящей кашей.

В это время из-за печи вышел Пест. Его лицо было бледным и осунувшимся, как и лицо матери, но его глаза... Они были полны решимости.

Он прошел за стол и сел, взглянув на уже подросшую Литу.

– Ставь ужин. Мне идти надо, – коротко бросил он ей. Лита метнулась к котлу и принялась накладывать в отцовскую миску кашу. Навалив с горкой, принесла ее Песту и поставила на стол. Сама же отошла к стене и спросила оттуда:

– А куда ты пойдешь?

– Ворожить...

– А что ворожить собрался? Дело к ночи же! Не видать ничего!

Пест не ответил и замер, перестав жевать. Он взглянул на миску и, проглотив, произнес:

– Смерть ворожить буду.

Мать подняла на него глаза и тихим шепотом произнесла:

– Не быть миру, пока мести кострище горит. Не быть прощенью, пока мести пожар не истлеет... – она оторвала взгляд от столешницы из обычных тесаных досок и уставилась в глаза Песта. – Не бери греха на душу, не пачкайся в смерти. Не такой ты... не таким тебя растили... Огниво – да, тот может, а ты нет...

Пест молча продолжил есть. Периодически он останавливался и начинал рассказывать:

– От Лесного хозяина весть была. Конные, что у нас люд резали, в Ультак вернулись, а уже следующим утром из Ультака вышли двадцать три десятка воев пеших, – Пест закинул в рот несколько ложек каши и, прожевав ее, продолжил: – Все вои в доспехах. У всех одинаковые, словно из Гвардии государевой. Только у каждого на щите знак Ультака-града.

Пест надолго замолчал, доедая кашу. После того, как полностью доел и вымазал тарелку хлебом, он поднял взгляд на мать. Та следила за тем, как он ест. От ее внимания не укрылось, что Пест заглатывает кашу, не особо разбирая ее вкус.

– Двадцать три десятка воев, – Пест вздохнул и поднялся из-за стола. – Когда живых для боя не хватает – я мертвых звать буду. Для того смерть ворожить надо.

Пест поклонился матери в пояс и вышел из дома. Его проводили глазами мать и сестра.

– Нас убьют? – тихо спросила Лита после того, как ушел Пест.

– Единый не выдаст – вурдалак не съест, – задумчиво ответила мать, глядя на закрытую дверь. Не отрывая взгляд от двери, она обратилась к Лите: – Беги к старосте, расскажи разговор наш ему. Про двадцать три десятка воев не забудь.

Она оторвала взгляд от двери и, пододвинув к себе тарелку с уже остывшей кашей, начала есть.

– Ну? Чего встала? Беги! Кому сказано? – Лита тут же сорвалась с места и скрылась за дверью.

Кладбище села Дорожичей

Пест стоял на вершине пологого холма. Кое-где на холме были видны свежая земля, которую недавно перекапывали. На этой же вершине находился огромный камень размером с самого Песта. Камень был серый и местами покрытый мхом.

На голове Песта была повязка с перечеркнутыми кругами на месте глаз. Он одной рукой упирался в камень, словно держался за него для чего-то.

Обернувшись, он взглянул вниз по склону. Туда, где он начертил пентаграмму с защитными знаками. По ее углам лежали черные камешки-накопители.

Помимо пентаграммы он увидел неясные полупрозрачные фигуры людей. Глубоко вздохнув, он обратился к ним:

– Не ученый я некромантии, а коль учили бы – не посмел бы такое сотворить. – Одна из фигур подошла к пентаграмме, начерченной на земле, и уставилась на нее. После пары секунд молчания фигура подняла голову, и Пест увидел лицо. Лицо довольно старого человека. Оно, хмурясь, смотрело на него.

– Я это начертил для того, чтоб те из вас, кто решится помочь в битве за село Ведичей, могли в этот мир вернуться, – Пест вглядывался в лицо старика, который переводил взгляд с пентаграммы на Песта и обратно.

Пест простоял так еще минут двадцать. К пентаграмме и Песту подходили полуразмытые тени, разглядывающие его и его творение. Ни один дух не проронил ни слова. Все происходило в полнейшей тишине. Это было уже третье кладбище, на котором Пест чертил упрощенную «Звезду некроманта». И везде происходило одно и то же. К нему подходили духи, разглядывали его, слушали и уходили. Никто в пентаграмму не вошел.

Потеряв всякое терпение, Пест начал говорить, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Как же так-то? Как такое быть может, чтобы предок не откликнулся? – Пест не глядел в лица духов, он глядел в землю, словно обиделся на что-то или кого-то. – Меня с малых лет учили, что над главою предок, что предок не предаст, предок поможет, предок подскажет... Предок в трудный час не бросит...

Пест утер нос кулаком, словно откуда-то появился насморк. Глаза были влажные, но слез он не обронил.

– Аль не ведаете вы, что идет сила вражья к селам, да такая, что села сметет и не заметит! Нет у нас воев, чтобы хоть по числу вровень встать! – Пест начал повышать голос, словно он обвинял предков села Дорожичей в чем-то. – Я вас рабами быть не заставляю! Я вас прошу на бой прийти, только на бой! Чтоб мужики не полегли, чтоб ни один род, не приведи Единый, не оборвался! Я с вас клятвы верности не прошу... я сам ее дать готов...

Пест поднял взгляд, обведя безжизненные лица духов, и громко спросил:

– Вы пойдете за мной на битву с вражиной из Ультака?

Но ответом ему была полнейшая тишина. Лица, которые все так же ничего не выражали, начали растворяться. Сначала контуры духов стали безликими, а потом и вовсе истаяли в ночном воздухе.

– Что же я не так сделал? Где мы провинились? – спросил ночную тишину Пест.

Землянка Аккилуры

– Мне нужен артефакт. Я хочу его сделать из этой иглы, – Пест протянул Дакриту крупную белоснежную иглу. – Я хочу, чтобы артефакт раны со всех воинов, на которых я нанес знак, переносил на меня.

– Зачем? – с прищуром спросил Дакрит. Он был одет в рубаху из мешковины и такие же штаны. На нем не было ни одного кольца, ни одного знака того, что он является наследным дворянином с длинной родословной и вдобавок деканом факультета артефакторики. С виду обычный деревенский старик, хоть и не дряхлый.

– С городища вои идут к нам, – глухо произнес Пест.

– Слышал, – хмыкнул Дакрит. – И ты решил подарить воинам своего села хотя бы временное... бессмертие? Ты представляешь, что с тобой будет? Ты умрешь от боли...

– Я зелья варить обучен, могу боль притупить, да и тренированный я! Боль-то терпеть...

– Ты даже не представляешь, какую боль будешь терпеть! – возразил Дакрит, но Пест его перебил:

– Настой мака красного!

– Допустим, ты не умрешь от боли и не сойдешь с ума, – Дакрит сложил руки в замок на груди и начал перечислять далее: – Тогда ты умрешь от ран!

– Белого лотоса и фиалки кровавой отвар...

– Ладно, ты разгонишь до безумия свою регенерацию, но воину могут и голову отрубить!

– Меня Ратмир и такому учил, я, правда, еще не сдавал практику...

– Так! Стоп! Даже если ты не умрешь от ран, не сойдешь с ума от боли, то ты просто истечешь кровью...

– Зелье синего игольника и земляники лесной...

Дакрит умолк, не зная как еще образумить Песта. Он смотрел в его глаза, наполненные решимостью, и задал только один вопрос:

– Все действительно так плохо?

Пест не ответил. Он кивнул и упер взгляд в пол.

– И другого выхода не нашел?

Снова кивок Песта.

– К завтрашнему дню сделаю, – Дакрит сжал в ладони большую иглу и вздохнул. – Не волнуйся, все сделаю! Ступай...

Пест молча поклонился в пояс и вышел, а Дакрит подождал, пока Пест выйдет, и сказал в пустую комнату:

– Я свой уговор выполнил!

В комнате появилась улыбка, усыпанная множеством мелких, но острых зубов. Затем проявились три глаза, а за ними и сам демон. Он был огромен и присел, чтобы поместиться в избе с низкими потолками.

– Уговор! – произнес демон, продолжая улыбаться. Он то ли чихнул, то ли кашлянул, и из его рта выскочили два шарика. Один ослепительно белый, а второй черный. Причем настолько черный, что показалось, будто свет из окна стал немного слабее. – Шар, что светится – это дух света для артефакта Песта.

– А черный? – хмурясь, спросил Дакрит.

– Этот шар съешь. Только когда артефакт закончишь, – Черт шипел мягким манящим шелестом. – Как его съешь – в сон упадешь на несколько дней. Как проснешься – все про духов знать будешь, что Пест знает, и я знаю. Темный шар – это знания!

Демон начал исчезать, просто растворяясь в воздухе. Сначала тело, потом глаза и в последнюю очередь – улыбка-оскал.

Дакрит тем временем начал крутиться в комнате в поисках мешка, чтоб спрятать оба шара.

Вои Ультака

Сердце билось с сумасшедшей скоростью. Он глядел на ровные ряды с одинаковыми щитами и эмблемой града Ультака. Они шагали одновременно и создавали впечатление неумо-

лимо приближающейся живой стены. Слышался зычный голос, ритмично и четко выкрикивающий «Гоп!» С каждым выкриком стена из щитов и одинаковых доспехов делала шаг. Все как один. Сразу стало понятно, что это не лихой люд, раздобывший оружие, а обученные воины.

Пест оглянулся и увидел разномастный сброд воинов из села Куприян, без брони, в рубахах, с парой гнутых сабель каждый. Они стояли по флангам строя. По центру стояли Дорожичи. Они были одеты в кожаную броню с бляхами на груди и стальные шлемы. Каждый в руке держал по плотницкому топору с усиленным обухом. В другой руке было по щиту, окованному стальными полосами. За спиной у каждого висело еще по топору. Среди строя Дорожичей Пест заметил двух своих братьев и еще нескольких мужиков из Ведичей, переживших набег конных из Ультака и имевших право называться воями. Позади них виднелись рыбаки с побережья Воржа, с луками и пращами. Среди пращников в мужской одежде глаз цеплялся за женские косы.

До строя воинов свободных сел было шагов триста, а до строя воинов Ультака около пяти сотен. Воины Ультака приближались, а воины свободных сел стояли на месте. У огромного камня, обозначавшего границу владений вольных сел.

– Не дай, Единый, подвести. Пошли силушки удержать на этой стороне мужиков, – Пест сглотнул ком в горле. Он первый раз обращался к Единому с просьбой-молитвой. Язык слабо ворочался, а зубы от страха начали постукивать. – Видишь же, что полегли... Отца моего прибрали, детвору да баб зазря резали... Помоги родовых глав сохранить! Не дай родам обобьяться...

Пока Пест это шептал себе под нос, из леса начали выходить трупы. Некоторые были одеты вполне сносно, а некоторые зияли дырами в лохмотьях. У кого-то было сгнившее лицо, кто-то светил костями рук, было даже несколько скелетов без одежды. Один из трупов, выделявшийся выколотым глазом, направился к Песту. Подойдя, он положил на его плечо руку с кистью без пары пальцев. Пест вертел головой по сторонам. Поняв, что происходит, он не смог вымолвить слова.

– Боязно, Пест? – спросил труп с синюшным лицом и ровной резаной полосой на шее с виднеющимся мясом. Пест увидел лицо. Лицо собственного отца, которого хоронил несколько дней назад, с выколотым глазом.

– ...Боязно, папка, – сглотнув, произнес Пест. Весь страх ушел, оставив слезы на глазах и щемящее ощущение в груди. – Сильно боязно. От того, что думал – не придете...

– Аль забыл ты, Пестушка... – рука без двух пальцев потрепала парня по голове. – ...Над главою – долг и предок! Во главе – село! Род – шея!

– В груди дело твое, – уже успокоившись и даже немного улыбнувшись, произнес Пест.

Полуразложившиеся трупы, выходящие из леса, подходили к воинам в строю и протягивали руки. Опешившие воины протягивали оружие перед собой и щиты. Мертвецы начали вооружаться. Многие мужики, разглядев трупы, начинали обнимать их и что-то шептать.

Среди Куприян раздался гомон. К ним тоже начали подходить скелеты и ожившие, полуразложившиеся трупы. Они подходили к воинам, забирали у них одну из двух сабель и становились рядом.

Спустя десяток минут в десяти шагах от Песта, за его спиной, стоял разномастный строй из мертвецов, вышедших из могил по своей воле. Среди них попадались и живые в доспехах. За их спины встали лучники и пращники из тех, к кому не подошел мертвец и не протянул руки, прося оружие.

Сам Под, отец Песта, стоял за его спиной и держал руку на плече.

– Дым и Огниво тут? – спросил Под сына.

– Тут, батько! Оба тут... – Пест еще раз оглянулся, взглянув на братьев, и достал белоснежную иголку. На иголке были нанесены мельчайшие знаки. Он одной рукой перехватил

иглоку за тупой конец. Направив острие вниз, Пест начал медленно вводить иглу под кожу лба. Ровно посередине, так, чтобы кончик остановился в районе переносицы. При этом тихонько приговаривал:

– Тебя зову, жизни дух. Не прошу ни крови, ни боли. Не нужна ни победа от тебя, ни вражья погибель. Живота прошу у тебя воям живым. Не пусти на грань, не дай живот отдать за дело правое. За то боль от меча вражьего себе беру, за то кровь свою пролью. За то – ворожить и смерть дарить не возьмусь... – Кожа на лбу Песта засветилась белым цветом. Из иглы, словно корень цветка полевого, вниз по коже побежали извилистые белые дорожки. Они спустились ниже переносицы и белоснежным рисунком корней опустились на щеки и подбородок.

Пока шли приготовления, строй воинов Ультака подошел уже на полсотни шагов. Полетели первые стрелы и камни, как с одной стороны, так и с другой.

Пест в это время начал отходить за строй. Под не отходил от него ни на шаг. Когда они ушли на два десятка шагов за строй, Под крикнул хриплым, но громким голосом так, что всем было слышно:

– Над главою!

– Предок! – разномастно ответил строй.

– Голова!

– Село! – уже более уверенно ответил строй.

– Род!

– Шея! – отозвался в один голос строй свободных сел.

– В груди дело! Дело наше – Война! – еще раз выкрикнул Под.

– Геть вражину! – уже стройно крикнул строй и распался. Живые сплоченно, прячась за щиты, образовали небольшую стену, а мертвые на полной скорости, какую могли выдать, рванулись к строю Ультака. Первые подскочившие к строю вцеплялись в щиты воинов и падали на колени. Следующие, используя первых как ступеньку, перепрыгивали стену щитов, попадая в строй незащищенных и растерявшихся воинов.

Послышались первые крики. Над строем Ультака то и дело взмывали струи крови. Передняя стена щитов начала распадаться, хоть первых мертвецов, цеплявшихся за щиты и изображавших ступень, рубили как могли. Им сносили головы, втыкали по рукоять мечи в грудь, рубили руки. Несмотря на это, руки продолжали держать щит или цепляться за ноги воинов. Ноги продолжали лягаться, а туловища изгибаться. Головы так и норовили цапнуть за сапог зазевавшегося. В спины тех, кто держал стену из щитов, начали втыкаться подобранные копья и мечи мертвецов.

В это время к развалившемуся строю подошли живые воины. Держа разномастные щиты один вплотную к другому, они шли как единая машина. Шаг на выкрике «Гоп», и удар коротким копьём сквозь щель между щитами или поверх их на команду «Бей!». Строй держался четко и ровно. Как только переднего бойца настигала стрела или чужой меч, его тут же выдерживали руки сзади, и на его место вставал следующий.

Над всей этой вакханалией с криками, кровью и командами ведущих летали стрелы и камни. Поток стрел со стороны воинов Ультака начал ослабевать, затем и совсем прекратился. Первые живые мертвецы добрались до строя лучников, и тем стало совсем не до команд своего ведущего.

За строем лучников свободных сел в это время корчился от боли Пест. На его серой рубахе стали появляться пятна крови. Как только пришла первая боль, он начал доставать склянки из заплечного мешка. Закусив нижнюю губу от боли, Пест выставил их по порядку и начал пить, а когда упал и начал выгибаться дугой, ему в рот продолжил вливать зелья его мертвый отец.

– Больно, папко... – между приступами повторял Пест.

– Терпи, сынок, за живых стоишь... – повторял Под, вливая ему в рот один флакон за другим. – Доля твоя такая... Каждый раз себя ломать будешь... Как слабину дашь и ломать себя перестанешь, так и в силу свою поверишь. А как поверишь, так и служить силе будешь... Рабом силы своей станешь... Себя ломать – твой удел.

В строю живых, рубящих уже мечущихся в панике воинов, потерь не было, так как сопротивления уже не наблюдалось, а раны на воинах, которых зацепили – тут же затягивались. При этом рана начинала светиться белым светом. Зажатые в клещи воины Ультака металась между зашедшими в тыл живыми мертвецами, вырезавшими строй лучников, и стеной разномастных щитов, не потерявших строя и четкости движений.

Спустя несколько часов воинов Ультака не осталось, за исключением трех человек, раненых, но не добытых. Еще час после того, как на ногах остались стоять только воины свободных сел, по ущелью ходили мертвецы и добивали раненых.

После того, как раненых добились, мертвецы собрались вокруг Пода и Песта, который так и валялся на земле, широко раскрытыми глазами смотря в ясное небо. Он глубоко дышал, а все тело было в крови. Челюсть и пальцы на руках мелко дрожали. Только глаза немного оттерты от крови. Земля под ним была пропитана его собственной кровью.

– Добре... добрый хозяин сел свободных выйдет, – произнес Под, улыбаясь и смотря пустыми глазами на Песта.

– Добре...

– Любо!..

Каждый мертвец, у кого было чем говорить, подтверждал слова Пода. Те из мертвецов, кто сильно разложился, или кому было нечем говорить, просто кивали или стучали мечами об разбитые щиты, из которых торчали древки стрел.

Под влил последний пузырек с мутной жидкостью в рот Песту. Тот сначала не отреагировал на жидкость во рту, но затем все-таки проглотил. Сморщившись, он оторвал взгляд от неба и оглядел собравшихся вокруг него живых мертвецов и присоединившихся к ним воинов свободных сел. И тех, что были в строю, и тех, кто отдал своё оружие мертвым.

– Сдюжили? – оглядываясь, спросил Пест хриплым голосом. Он искал взглядом двух братьев. Дыма и Огниво. Заметив их хмурые лица, перепачканные кровью, он вздохнул. – Сдюжили...

– Сдюжили, и ни одного живота мужика сел свободных не положили... – ответил староста Дорожичей. Он был ведущим в строе живых мужиков. – Трех ультаковских воев взяли. Вязанные лежат. Сам говорить будешь?

Пест кивнул, давая согласие. Под, с улыбкой наблюдавший за Пестом, вздохнул.

– Над главою... – тихо произнес он.

– Предок! – ответили живые мертвецы. Пара скелетов стукнула зубами, обозначая ответ.

– Глава... – негромко произнёс Под.

– Село!.. – уже громче произнесли все собравшиеся мужики.

– Род...

– Шея! – громко гаркнули и мертвецы, и живые воины. Под еще раз взглянул на Песта и произнес:

– В груди дело, а дело наше... – в этот момент, так и не произнеся последнего слова, все мертвецы одновременно рухнули на землю как подкошенные.словно из них стержень вытащили.

Пест смотрел на тело отца, лежавшее на земле, как пришибленный. Спустя минуту он, кряхтя как старый дед, поднялся и, шатаясь, пошел в сторону связанных воев из Ультака. Подойдя к ним, он ухватил их за шиворот и развернул головами в кучу. Так, чтобы все его видели одновременно, и он видел их.

– Меня Пестом звать. Роду я Среднего, из Подова вышедшего. Село мое Ведичи, – он оглядел хмурые лица мужиков, в глазах которых плескался страх. – В учениках Аккилуры ходил и слово ведуна имею. Магии учусь в Академии, и коли понадобится – за все спрошу. И духом, и волшеббой.

– Нет у тебя права! – хриплым голосом сквозь разбитые губы произнес один из мужиков. – Кончилась вольница сел свободных!

– Знамо, что нет указа на то государя нашего. Силой нас взять решили? – Пест взглянул в глаза говорившему мужику. – Я маг наместный сел свободных. Подо мной уже четыре села. Куприяны, Ведичи, Дорожичи и рыбаки Воржские! Я за них ответ держу, хоть и зимую в Вивеке. Не от праздности, а от учебы в Академии маговской. Услыхал ты меня?

Мужик сплюнул кровь на землю, облизал разбитые губы и кивнул Песту.

– А коль услышал, то меня зело хорошо запомни! Ежели еще раз ультаковские вои в села свободные придут – главы их лично старшому Ультака принесу! За нами предки! Надо будет – мы вместе с ними до самого городища дойдем! Пугать не буду и виры не спрошу, но сам видал. Уяснил?

Все трое четко подтвердили понимание.

– Коль уяснил, то ступай с миром, – Пест разрезал всем троим пути, после чего те встали и собрались уже уходить, но ведун добавил им в спину: – Конных Ультак больше пусть не присылает. Нам своих кобыл хватает, а конину кушать не приучены...

* * *

В обычном, ничем не примечательном доме Дорожичей, на лавке у печи сидела женщина и пряла пряжу. Свет из окна падал хорошо, и в доме было светло. Руки размеренно и уверенно водили по формирующейся нити, а сама женщина что-то напевала себе под нос.

В комнату ввалился мальчишка лет десяти. Он на одном дыхании выпалил:

– Наши воины вертаются! Мужиков идет два десятка! Все живые и ни один не хромает, но в крови все по уши! Волокуши с собой тащат! Кого несут – незнамо, с виду все наши идут.

Лицо женщины побелело, а руки мелко задрожали. Она подскочила со скамьи и метнулась за мальчишкой. Вместе с ним она выбежала на улицу.

Сквозь всю деревню шли два десятка мужиков. Окровавленных, хромых или раненых среди них не было. Каждый мужик тащил волокуши из мелких деревьев и веток. На волокушах лежали полусгнившие тела. На некоторых лежали человеческие костяки. Была пара волокуш, на которых кучами лежали конечности и части тел вперемешку. На каждом теле были хорошо различимые похоронные знаки Дорожичей.

– Как же так? – прошептала женщина. Она сначала бегала глазами по волокушам и пыталась найти своего мужика, но заметила его с хмурым лицом, тянущего волокуши с хорошо сохранившимся скелетом.

По ходу движения воинов в деревне их обступил народ. Никто к ним не приближался и не разговаривал. Девушка тоже не решилась нарушать традицию возвращения воинов с битвы.

Процессия не остановилась у дома старосты для прощания родственников, а сразу двинулась в сторону сельского кладбища. Женщины, старики и детвора последовали за процессией. Лишь несколько отроков с топорами метнулись к ближайшему лесу, где виднелись ели.

Когда процессия в тишине подошла к кладбищу, женщины шепотом начали причитать. Старики – снимать шапки и гладить бороды, а дворовая ребятня загомонила. Никто не посещал кладбище. До дня поминовения предков было еще 8 седмиц, а праздник, когда положено подносить дары предкам, был 3 седмицы назад. Сейчас же они обнаружили разрытые изнутри могилы. Ровно два десятка. У входа на кладбище процессию уже поджидали отроки с полными охапками еловых ветвей и один старик с абсолютно лысой головой.

Каждый мужик подходил к могиле, которую отроки тут же выкладывали еловыми ветками. Воин клал в нее тело своего предка, при этом он оставлял в руках мертвеца оружие. После этого он щитом начинал зарывать могилу. Никаких лопат. Только руки и щит. После того, как могила была закопана, он втыкал у изголовья щит как надгробие.

Одна из старух затянула похоронную песнь хриплым голосом, положенную в таком случае. Случае, когда с побоища возвращались живые воины, неся с собой погибших воинов. Ее подхватили все женщины без исключения.

Процессия перезахоронения предков затянулась на несколько часов. Все это время не умолкало хоровое пение женщин. Когда перезахоронение закончилось, мужики стали расходиться. Женщины начали обнимать и целовать своих мужиков.

Та самая женщина, еще недавно искавшая своего мужа среди мертвых, крепко сжимала его. У ног обнимающихся отца и матери стоял парнишка лет десяти. Он обратился к отцу:

– Папко, а почему их с оружием похоронили? Не велено же с оружием хоронить...

Отец одним глазом глянул на сына и негромко произнес, не отрываясь от объятий супруги:

– Так Пест велел. Он наш чародей наместный, – он поцеловал жену в шею и добавил: – За его слово предки с нами на бой пошли. Дед мой мое оружие из рук моих взял. С дедом моим бился я рука об руку... Ты, Сат, пока мне копье доброе не сделаешь, чтоб не стыдно было в бой идти, когда из могилы позовут – мужиком тебя не назову!

Мальчишка нахмурился и поднял взгляд на отца.

– Так тот костяк – прадед был?

Глава 3

Дом рода Подова

Уже давно стемнело, давно разошлись обитатели дома по своим местам, давно погашена лучина, но... В эту ночь в доме рода Подова снова никто не спал. Каждый усердно делал вид, что спит, но не спал...

Лита, сестра Песта, лежала на боку. В руках она сжимала шарик из льда. Он приятно холодил руки и слегка светился. Лежа головой на ногах Песта, она старательно делала вид, что уже уснула.

За печью, там, где раньше спали отец с матерью, лежала одна в кромешной тьме мать Песта. Она лежала не на привычном месте, а на месте отца. Она уже которую ночь не могла уснуть. Мать Песта, она же жена Пода, уже третью ночь плакала. Плакала беззвучно. То, что она плакала, выдавали лишь плечи, которые нет-нет да подергивались, и мокрое от слез супружеское ложе.

Дым и Огниво делали вид, что спят, на лавках в большой комнате. Каждый из двух близнецов прекрасно знал, как дышит во сне второй. Каждый понимал, что оба они притворяются. Каждый продолжал делать вид, что спит.

В этой странной полуночной картине, когда каждый старался сделать вид, что «вот уж он точно спит!», послышался голос Огнива. Он сдался первым.

– Дым, спишь?

– Нет.

– Что за дело думаешь? – задал вопрос Огниво, но Дым не спешил на него отвечать. Прошло не больше минуты полной тишины, когда Дым начал говорить.

– За предков думу думаю, – неуверенным басом начал Дым. – Чай, не на побегушках аль в ученье, чтобы каждый раз из могил вставать, когда враг в гости пожалует.

Наступила пара секунд тишины, которую прервал голос Огнива:

– Так сам же видал, что без предка не сдюжили бы!

– Видал, да что толку? Думаешь, ежели мы предка звать будем каждый раз, как вражина придет – не осерчает предок?.. Чего молчишь? На предка надейся, а сам не плошай! – Дым начал понижать голос и говорить четко, рублеными фразами: – С врагом надо поступать иначе. Села в защиту на несколько рук проводить надобно!

– Это как?

– А так! Надобно, чтобы пригляд за окрестностями был! – начал объяснять Дым, стараясь изложить все очень подробно. – Сие будет первая рука, самая дальняя. Я в ворожбе не ученый, но думаю, что этим должен Лесной хозяин ведать. Его птица далеко летит, его волк быстро бежит. С хозяином Лесным надобно обговорить, чтобы он мог без Песта нам сказать и указать, откуда врага ждать.

– Хозяина язык лишь Песту знаком, – заметил Огниво. – То ж ведовское дело!

– Не про то я! – попытался объяснить Дым. – Не надобно полностью письмена хозяина Леса читать. Нам токмо знать надобно, что вражина к нам идет, да с какой стороны! Я себе это так мыслю: бежит волк из лесу, тащит в пасти ветку. С этой веткой через деревню бежит, вой псин дворовых подымает, пробегает и кладет ее у околицы с той стороны, откель враг идет. А кто в гости жалует, то видно будет по ветви. Ежели ветвь хвойная, вся в иглах – бою быть! Коли на ветви листья – караван какой торговый с воями в охране. А буде волк траву принесет, то без оружия путники идут.

– Эко ты придумал! – хохотнул Огниво. – Правда, с волком не выйдет! Псы дворовые к волку привыкнут, и воя не будет. Пробежится волк по селу, а в селе и не заметят. Что делать тогда? А когда зима? Где ж волк травы возьмет?

– Ну, я ж про волка так сказал, к слову. Как сие устроить, то Песту и хозяину Лесному виднее будет. Я про первую руку говорю, самую длинную!

– Ну, за первую руку понятно! А дальше?

– А дальше средняя рука! Эта рука к селам люд прохожий не пускает.

– Это как?

– А вот так! – с ухмылкой начал объяснять Дым. Он приподнялся на лавке и принялся толковать с размахиванием руками. – Ты вспомни, как нас леший по одному и тому же болоту гонял весь день кругами!

– Помню! Ежели б не твои зарубки – не видать бы нам света белого! Так бы и утопи там.

– А теперь думай, что было б, ежели б хозяин Лесной те двадцать три десятка воев в болото увел и там кругами их пустил седмицы на три? Много бы их тогда до села дошло?

– Не осталось бы никого за три-то седмицы!

– Вот и я про то же! – вздохнул Дым.

– Погодь-ка! Дым, а почему хозяин Лесной так не сделал? – тут же возмутился Огниво.

– Я за то Песта спрашивал. Хозяин Лесной наш хоть и не чета лешему, но слаб для такого. Его силой кормить надобно, чтоб он смог двадцать три десятка пар глаз отводить, а болотце он сможет и сам сделать, ежели силушки не жалеть.

– Вона как... – задумчиво протянул Огниво. – А где ж эту силу-то взять? Чем кормить хозяина Лесного?

– Пест мне камни показал, прозрачные как вода и крепче кости. В таких камнях маги силу свою хоронят. Вот такие камни надо будет в места силы носить. Там они три рассвета встретят и силой нальются так, что мутными станут и свет сквозь них не пойдет. Пест старшему все места в округе показал, где камни эти силой наполнить можно. Вот те камни и нужно носить хозяину, чтобы он силу с них забирал, и тут же обратно в место силы их воротить...

– Так, а почему хозяин Лесной сам тот камень в место силы унести не может?

– Нет его власти и воли в месте силы, – неуверенно произнес Дым. – Пест так говорил, что хозяин Лесной, аль хозяин Речной, без разницы, всю власть и силу свою в месте силы теряют. Мол, в таком месте даже маги столичные мало ворожить могут.

– Вот тебе и средняя рука... – задумчиво протянул Огниво. – Ну, а малая рука?

– А с чего взял, что малая рука будет?

– Ну, так дальняя есть, средняя есть... должна быть малая!

– Нет. Голова будет вместо малой руки, – усмехнувшись, ответил Дым. – Головой нашей будет Пест. Он у нас ворожбе ученый...

– А я так думаю, что придется все эти руки Песту самому стряпать, – начал Огниво. – Ты сам погляди! У нас каждый отрок на счету. Нет у нас лишних рук, чтобы камешки по лесам да оврагам носить. Тут Песту либо помощь в поле делать да запас на зиму со всеми готовить, либо самому руки на оберег села делать.

Вновь воцарилась тишина, в которой каждый задумался о своем.

– А ты? Ты о чем думу думаешь? – спросил брата Дым.

– А я думаю, как быть с родом? Кто в его голову встанет? – Огниво замолчал на пару секунд. – По уму – надо бы Песта во главе поставить, да у него свой род нынче. Средний. А коли мы с тобой старшие – нам решать, кто в голову пойдет. Я сначала сам хотел, да вот послушал тебя... думаю, тебе в главы рода идти.

В комнате повисла напряженная тишина. На улице послышалось завывание ветра, скрипнули доски на крыше.

– Меня слушайте, Огниво и ты, Дым, – послышался голос Песта во тьме над печью. Оттуда, где спала Литя. – Дыму в голову нельзя. Он хоть головой думать мастак, да не в том ум. Быть головой рода Подова Огниву, но с него зарок, что без слова от Дыма шага не сделает и слова не скажет!

Пест умолк и спустя пару минут добавил.

– Быть вам двум вместе по гроб жизни, пока жив один, будет жить второй. Дыма без Огня не будет, а Огня без Дыма...

Снова повисла тишина, сквозь которую стал слышен дождь, крупными каплями застучавший по крыше.

– Пестушка, а Расскажи сказку! – слышался голосок Литы. – За магов с юга, что ворожбу, словно музыку искусную, слушать умеют!

Пест улыбнулся и начал рассказывать, поглаживая голову Литы.

– Люд живет везде. И в горах, где сеять негде, и в снегах, что никогда не тают, и в песках, где не было никогда ни травинки, ни деревца. На юге песок, словно водица до горизонта, да с волнами и гребнями. В тех песках люд живет не по-нашему. Дома строят из камня, полей не пашут и хлеба не сеют. То не от лени или праздности. То потому, что хлеб в песке не растет, а кроме песка там и нет ничего.

И в краях тех маги есть. Маги те ворожбу по слуху ворожат, и ворожат ее до того искусно! Что не пламя – то цветок, что не камень – то статуя дивная. Но есть беда в тех землях. Не урожатся там маги водные, чтобы из земли воду выводить.

И пожаловали как-то тамошние маги к государю нашему батюшке. Челом били и слово молвили: «Продай нам, государь, магов своих, что водице наказ давать могут!»

Спустя пару дней

Дом старосты Ведичей

Посередине избы стояли два брата. Дым и Огниво. Огниво – чуть впереди, а Дым словно прятался за правым плечом брата. Оба стояли лицом к старосте.

Рядом со старостой сидели главы родов. И староста, и главы хмурились. Все ждали одного представителя от рода Подова, может быть двух, но они тогда должны стоять чуть дальше друг от друга. Так выходили два кандидата на место главы рода. Обычно это решалось внутри рода, но если разногласия были слишком велики, то оба кандидата становились перед старостой и главами, чтоб те решили «Кто за голову родову будет, а кто рта против головы не раскроет». Так же, как вышли Дым и Огниво, не выходил никто и никогда.

Молчание затянулось. По традиции Дым и Огниво должны были произнести традиционную фразу, обозначающую прошение двух кандидатов на место головы рода решить их спор. Вместо нее совершенно другую фразу произнес Огниво:

– Род Подов голову свою на совет привел, – с этими словами Огниво поклонился в пояс.

Дым за его спиной так же поклонился в пояс, но слова не сказал.

Староста и мужики недоумевающе переглянулись. Староста пробежал взглядом по лицам мужиков, еще раз – на Дыма и Огниво, а затем повернулся в темный угол, в котором сидел Пест.

– Правильно смотришь, старшой! – сказал Пест из своего угла. – Это мое слово.

Мужики начали гомонить, выражая недовольство.

– Не было такого...

– Голова одна...

– Цыц! – оборвал всех староста. – Выйди вон, род Подов, дабы ушами своими слово глав родовых не пугать...

В избе, пока выходили Дым и Огниво, воцарилась тишина. Как только они вышли, слово снова взял староста.

– Держи ответ тогда, Пест-ведун. Отчего во главе рода Подова двое?

– Голова у рода Подова одна. За голову Огниво будет, – начал объяснять Пест, выйдя из темного угла. – Но слова он не имеет, и делать дело не вправе, покуда не одобрит Дым.

От такой постановки вопроса мужики снова загомонили.

– Огниво на руку и слово горяч. Делает и говорит, а опосля думает, – начал рассказывать Пест. – Коли его в головы не поставить и ответ не заставить держать – чудить начнет. Может обиду затаить, а может и в скитальцы податься. Больно горяч он.

– Так и пусть ступает с миром, – влез кто-то из мужиков.

– А ну как не уйдет? А вдруг обиду затаит? Что делать будем? – начал Пест упрекать мужиков. – А ежели спровадить его решитесь, то ему как скажете? Мол, иди-ка ты подобра, Огниво, вон из села? Да и Дым при таком напутствии тоже с ним подастся! Они ж как две капли воды! Вся рознь в том, что у одного волос рыжий, как огонь, а второй с волосом серым, аки дым. Один без другого не может. А Дыма в головы ставить тоже нельзя! Он думу думать любит зело, да так, что крутить и вертеть дело будет седмицу, пока дело не остынет. А как остынет, так и не нужно то дело уже будет. Тут новое дело делать надо, а он над прошлым думу думает.

Мужики реагировали на слова Песта по-разному. Кто-то хмурился, а кто-то одобрительно кивал.

– Вот и решил я, что ежели Огнива без ярма головы никак не оставить, то пусть будет головою, но так, чтобы Дым успел своё слово сказать. Чтобы без совета не лез сломя голову, куда не надо!

– А ведь дело говорит Пест! – вмешался Лык. – Я-то давно за ними приметил! Как пошлем их морды ставить по одному – хорошо, если не с пустыми руками вертаются. А ежели вдвоем идут – полны кадки рыбы, а то и ягод принесут, аль рака какого. Не было, чтобы они вдвоем ходили и без улова вертались!

– Дым к грамоте тяготеет...

– А у Огнива кулак добрый! В вои его надо!

– Огниво хороший сруб рубил, а Дым резьбу режет – залюбуешься...

– Ну, коли так! – громко сказал староста, прерывая разговоры. – Коли близнецы они и вместе дело делают справнее, нежели порознь... Быть по-твоему, Пест! Огниво в голову рода Подова ставить будем, но пока Дым слова своего не скажет, не будет ни слова, ни дела Огнива и рода Подова. Сему быть!

Староста с размаху ударил кулаком по столу, отчего тот даже слегка подпрыгнул.

Мужики ответили стройным хором: «Быть!»

– Ну, чего тогда сидим? Айда на улицу, нового главу рода Подова ярмом порадуем!

Мужики поднялись и потянулись на выход. У избы уже было столпотворение. Событие редкое, и на него пришли посмотреть все, кто мог. Даже немногочисленные старики стояли и сидели, ожидая процедуры появления нового старшего в роду Подова.

Главы родов выходили из избы и становились в круг. Вместе с ними встал и Огниво. Дым сначала решил отойти, но его ухватил за плечо Лык и притянул в круг. Дыма поставили рядом с Огнивом. Мужики образовали круг, в центре которого никого не было. Первым заговорил Пест.

– Ярмо на тебе, Огниво, за род Подов, – Пест поднял с земли жидкую грязь.

В толпе зрителей в это время засыпал вопросами старого деда Дакрит.

– Дед! А почему в круг все встали? Кто в круге главный? Почему в круг никто не выходит?

– Дед? Ты на себя погляди! Седина в бороде, а вопросами сыплешь, аки малец дворовый! – начал ворчать в ответ дед, но на вопрос ответил: – Они оттого и встали в круг, что нет там углов и главных нет. А ежели ты в центр круга выйдешь, то, как ни крути, к кому-то спиной стоять будешь, обидишь кого-то.

– Так нельзя угодить всем... – начал было Дакрит.

– Нельзя, но не обидеть и чистоту помысла показать можно. Для того надо встать и говорить лицом ко всем, – дед говорил размеренно, подняв указательный палец вверх, словно старался придать торжественности своим словам. – Так, чтобы все твое лицо видели, и ты всех видел.

Тем временем в круге происходило довольно занятное зрелище. Пест поднял две горсти жидкой грязи с земли, подошел к Дыму с Огнивом и положил каждому на голову.

– Ярмо тебе права не дает, оно с тебя ответ за род требует, – приговаривал Пест, размазывая грязь по голове Огнива. – Ответ перед предком, перед родом твоим и селом!

Пест повторил свои слова, размазывая грязь по голове Дыма, и встал снова в круг. Тут же начал произносить слова следующий глава рода, так же нагибаясь за грязью.

– А зачем они на голову грязь кладут? – задумчиво спросил Дакрит, наблюдая за этим странным ритуалом.

– Как без грязи-то? – удивленно спросил дедушка Дакрита. – Когда за тобой не один рот, как дело ни делай, как думу ни думай, а всё едино кто-то не у дел останется. Недовольный всегда будет лихим словом тебя поминать, милое дело! На то слово злобу держать нельзя. Не будет хорошего головы у рода, коли злобу держишь за слово такое. Вот грязь на голову сразу и кладут, чтобы привыкал глава к лихому слову и обиде от родичей.

Дедок погладил длинную седую бороду и добавил:

– Погода нынче хороша, так что тут отроки нарочно воды натаскали, дабы грязь под ногами жидкой была... А еще грязь – она памятью для главы служит. То память, что глава рода – не место теплое, – старичок снова поднял указательный палец к небу, обозначая важность своих слов. – Глава рода – это ярмо, опека рода своего и дела его! Ответ за всех, кто в роду, глава держит, а не праздное место имеет, как у люда с кровью благородною.

Дакрит хмыкнул и улыбнулся странной трактовке старичка. От старика не укрылась его ухмылка.

– Думаешь, старшой села без грязи в старшие вышел? – с прищуром спросил дед.

– Что? И его грязью мазали?

– Не, его грязью не мазали, – старичок наклонился к Дакриту и полупшепотом произнес: – Его с головой в бочонке с помоями недельными купали. Вонь така-а-а стояла!..

Тут старичок сморщился от воспоминаний.

– Но то поминать у нас не принято. Нынешнего старшого передергивает, кады мы за то ему напомним, – старичок улыбнулся беззубым ртом. – А первый год он совсем зеленел, когда помой упомянешь. Но то завет предков, не нами придуманный, а посему – завет чтить надобно...

Старичок еще много чего рассказывал. Про заветы, про поминовения предков, а порою начинал нести околесицу. Дакрит же слушал его вполуха. Он наблюдал за тем, как главы родов выходили с грязью в руках, и с традиционными словами размазывали ее по головам Дыма и Огнива. В конце ритуала они оба были по пояс перемазаны в грязи.

Отступление первое

Людвиг

Графское имение Сылестских

В главном зале, обставленном красивой монументальной мебелью, стоял Людвиг. Он склонил голову, уставившись под ноги.

Перед ним стоял высокий статный мужчина в дорогом, расшитом золотом камзоле.

– И это все? – спросил мужчина с неприкрытым гневом. Привычка держать осанку выдавала в нем дворянина. – Людвиг, я тебя спрашиваю! Это все, чему ты научился за год?

– Пап, учеба очень сложная...

– Людвиг, я уже разговаривал с вашими преподавателями. Ты знаешь, что мне сказал декан факультета воздуха? – мужчина наклонился к самому лицу Людвигу. – Он тебе завидует, завидует твоей силе... Он готов многое отдать, чтобы у него была такая сила в начале его обучения. А ты? Ты только и делаешь, что пьянствуешь по кабакам...

– Это ложь и наговоры! – попытался возмутиться Людвиг.

– Да? И весь город так убедительно лжет! Тебя же в каждом борделе как облупленного знают! – От этих слов Людвиг склонил взлохмаченную голову, понимая, что уйти от ответа не получится. – Мне тут принесли все твои счета и долги... Ты что, решил меня разорить?

– Нет, папа, я все...

– Хватит! Все, Людвиг, мое терпение кончилось! – мужчина вздохнул и сел в кресло. – Я закрыл все твои долги, обучение я оплачивать продолжу, но... Людвиг, ты же знаешь, что я тебя очень люблю, несмотря на то, что ты мой бастард... и ты этим пользуешься. Поэтому я решил. Отныне ты платишь сам за еду и жилье.

– Пап, ты в своем уме? Мне идти работать с простолюдинами? – начал возмущаться Людвиг.

– Да, Людвиг. Именно! Идти и работать! Более того, этим летом ты едешь на северное побережье. Там у меня есть знакомый из берегового патруля. Все лето до самой учебы ты будешь служить в его отряде.

– Но ведь я не имею знака войны...

– Ты пойдешь как обычный солдат-простолодин! С мечом и щитом! – оборвал возмущение Людвиг отец. Людвиг открыл рот и тут же закрыл, еще раз и еще раз. Он словно изображал рыбу, выброшенную на берег. – И не делай такого лица. Или ты сделаешь, как я сказал, или я отказываюсь платить за твою учебу! Это мое последнее слово!

Людвиг перестал изображать рыбу на берегу и закрыл рот. Так закрыл, что скулы вздулись, а костяшки на сжатых кулаках побелели.

– Вот здесь – письмо, подтверждающее, что ты мой бастард. Адресат на конверте, – мужчина протянул письмо Людвигу. – Это мой старый друг, мы с ним в одно время хорошо служили вместе. Вот в этом мешке дорожные принадлежности и немного денег на дорогу. Все. До сентября я не желаю тебя видеть. Если узнаю, что ты не доехал или дезертировал – сюда и в Академию можешь не возвращаться.

С этими словами мужчина развернулся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Глава 4

Государство Гвинея. Северное побережье

Застава берегового патруля Серый Клык

– Людвиг, значит... – усталый мужчина еще раз пробежался глазами по письму и поднял взгляд на Людвигу. – Лет тебе сколько?

– Семнадцать.

– Для начала подпиши вот это.

Мужчина протянул два свитка, в которых Людвиг быстро расписался. Он даже не обратил внимания на то, что один из них назывался «Срочный контрактный наем военнослужащего с ограниченными сроками», а второй «Согласие на смерть по контракту и завещательные указы в случае наступления оной».

– Теперь хватай свои пожитки и за мной, – тон мужчины тут же разительно изменился, заставив Людвигу нахмуриться. Тем не менее он взял свои сумки и припустил за мужчиной.

Тот шел быстрым шагом, не оборачиваясь и говоря на ходу.

– Меня зовут Трок, я главный в местном гарнизоне патруля. Спать будешь в казармах со всеми... – Они уже вышли из главного каменного здания, и он указал рукой на одноэтажную, но длинную избу. – ...а когда возвратятся патрули, ты будешь спать на улице...

– А если дождь...

Трок моментально остановился и развернулся. Глядя прямо в глаза Людвигу, он произнес:

– Тебе не разрешали говорить и не задавали вопросов. Ты не спросил разрешения говорить, и поэтому будь так добр... **ЗАКРОЙ СВОЮ ПАСТЬ!** – рявкнул Трок так, что Людвиг от неожиданности даже подпрыгнул. – Все, дитятко! Детство кончилось! Ты теперь новобранец славного государства Гвинея. И ни папа, ни мама тебе не помогут. Дай руку!

Ошарашенный Людвиг несколько секунд смотрел на Трока, но потом протянул левую руку вперед. На его запястье тут же защелкнулся черный кожаный браслет с красными камнями.

– Этот браслет будет гасить твою магию. Попробуешь снять или сломать – я тут же узнаю, и тогда... – Трок наклонился к лицу Людвигу и снова рявкнул: – **ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ, ЧТО РОДИЛСЯ! ПОНЯЛ?**

– Д-д-да... – кивнул головой вжавший ее в плечи Людвиг.

Трок развернулся и пошел дальше, продолжая рассказывать:

– Там столовая. Есть строго по расписанию или приказу десятника. Полигон там. На нем из такого куска мяса, как ты, будут делать строевого воина. За два месяца ты должен научиться держать строй. Не научишься – третий месяц будешь драить туалеты и готовить еду. Всяко больше пользы выйдет, – начальник заставы увидел кого-то вдалеке и помахал ему рукой. – Свал! Свал, иди сюда!

– Чего случилось, капитан? – спросил подошедший бугай. Он поглядывал на Людвигу с каким-то плотоядным интересом.

– Новенький. Он твой...

– Так ведь кожа да кости! Куда я его?

– Мне плевать, куда ты его. Он твой! – с этими словами Трок развернулся и пошел обратно в главное здание.

– Вот же ж. Не было печали, – Свал перевел взгляд со спины удаляющегося Трока на Людвигу. – Звать как?

– Людвиг, – пришибленно произнес парень. От свалившихся неприятностей он все никак не мог прийти в себя.

– Что за палка у тебя на поясе? Ты дворянин, что ли?

– Бастард...

– Не было печали... зубочистку с пояса сними и вещи в хранилище сдай. Там тебе форму выдадут, – Свал указал на землянку. – Чего стоим? БЕГОМ!

Людвиг с перепугу сорвался с места и побежал в сторону землянки, услышав на бегу крик Свала:

– После этого на полигон ко мне!..

Северное побережье Гвинеи

Застава берегового патруля Серый Клык

Полигон

– Ты так членом в аристократок тыкать будешь! – снова заорал Свал. – Кто так мечом орудует? Им рубят! Рубят, понимаешь? Это ты своей зубочисткой можешь такой херней заниматься, а полуторником рубить надо!

Людвиг стоял рядом с обычным бревном, которое молотил уже неделю. Ноги у него подрагивали, а руки вообще не хотели слушаться от усталости. Так и висели как тряпки.

– Им колоть в строю только над щитом можно и то, если есть куда, – уже более сдержанно принялся объяснять Свал. Он глубоко вздохнул и потер руками лицо. – На плац пошли, а то ты меня до белого каления доведешь...

Свал пошел к просторной площадке, а Людвиг пошаркал за ним, едва переставляя ноги.

– СТРОЙ! – крикнул Свал, и Людвиг тут же ускорился, подбежав к краю площадки. Он выставил вперед щит и встал за ним боком. Левое плечо было впереди, левая рука крепко сжимала лямки щита, а правая сжимала стальную болванку, изображавшую полуторник.

– ШАГ! Гоп... гоп... гоп... – Людвиг на каждое «гоп» изображал приставной шаг, стараясь полностью повторить движения, которые в него вдолбливал Свал. Эти движения заставляли щит действовать как таран, отодвигая и отбрасывая строй противника.

– БЕЙ! АП! – по команде Людвиг чуть повернул щит, ровно настолько, чтоб оставалось пространство для удара мечом. На «АП» Свала он рубанул воздух болванкой сверху вниз. Затем тут же закрылся щитом.

– ДЕРЖАТЬ! – тут же закричал Свал, и Людвиг прижался плечом к щиту, а правую ногу вытянул назад, стараясь создать упор. Свал медленно подошел и начал придиричиво осматривать позу Людвигу. Он обошел вокруг и встал перед щитом Людвигу. Пара секунд заминки и в центр щита пришелся удар ступней. Людвиг тут же опрокинуло назад. – Дерьмо, а не стена! Все! Прорван строй! Тебя убили!

Людвиг не ответил. Он с кряхтением повернулся на бок и отбросил щит в сторону. Глубоко закашлявшись, он скрутился калачиком.

– В голову себе вбей! Если эти твари... – тут Свал указал куда-то в сторону моря. – Припрутся на своих галерах со своими колдунами, то бой решать будет сталь. И тогда! Тогда тебя спасет только строй! Без строя они нас всех просто накрошат как репу! Каждый! Каждый в строю должен знать своё место и уметь его держать! То, что ты сейчас делал – полное дерьмо! Из-за тебя прорвут строй и всех порубят к чертям! Еще раз! Встал!

Людвиг не двигался.

– Я тебе повторяю! – цедя сквозь зубы, произнес Свал, склонившись над Людвигом. – Последний раз повторяю!

– Не могу... сил нет...

– Не могу – это мертвый или калека! – взревел Свал командным голосом на ухо Людвигу. – Остальное – не хочу!

– Не хочу...

Свал склонился к самой земле, припал к уху Людвигу и начал шепотом говорить:

– А всем плевать, что ты хочешь. И дело не в том, что ты хороший или плохой. Благородный ты или из простолюдинов. Дело в том, что там, в море есть острова. На этих гребаных островах живут ублюдки с клыками в пасти с твою ладонь и колдунами вместо магов. И они регулярно приплывают к нам. Для того чтобы убивать. Детей, женщин, воинов... им вообще без разницы, кого резать. И ты... – тут Свал начал орать в ухо Людвигу. – ...ТЫ, СУКИН СЫН, ОБЯЗАН ДО СЕНТЯБРЯ СДОХНУТЬ, НО НЕ ДАТЬ ЭТИМ ТВАРЯМ ТОПТАТЬ ЗЕМЛЮ И РЕЗАТЬ ЛЮДЕЙ В ГОСУДАРСТВЕ ГВИНЕЯ!

Свал с размаху ударил кулаком в ухо, в которое орал. Людвиг застонал, ухватившись за ухо.

– Встал в стойку! В СТРОЙ! – гаркнул Свал, и от этого крика Людвиг начал подниматься. Вытирая слезы кулаком, поджимая плечо со стороны удара в ухо. – ШАГ!.. ГОП!.. ЧЕТЧЕ! РЕЗЧЕ! РЕЗЧЕ, Я СКАЗАЛ, БЛАГОРОДНЫЙ СУЧЕНЫШ!

Северное побережье

Застава берегового патруля Серый Клык

Людвиг все пытался изобразить стену со щитом, а приличных размеров бугай его опрокидывал снова и снова. Одним ударом ноги в щит.

– Уже почти месяц доходит, – задумчиво произнес Свал, глядящий на тренировки Людвигу. – Не справится...

– Справится. Его отец такой же был, я помню его, – ответил ему Торк, стоящий рядом. – Ты посмотри на него. Он ведь еле держится, на одном упрямыстве выезжает.

– А толку? До него не доходит... – Сват уже развернулся, махнув рукой.

– Сват! Постой! Малый когда вернется?

Сват не обернулся, а на вопрос Торка ответил через плечо:

– Сегодня должны из патруля прийти...

– Как придет – пусть ко мне зайдет. Надо, чтоб он этого задохлика подтянул...

Уже к вечеру этого дня Людвиг сидел у казармы на улице. Сидел он, опираясь на сруб избы спиной. Он шмыгал разбитым носом и периодически трогал распухшие и разбитые губы. Тумаков он получил от смены патруля, которая вернулась под вечер. Людвиг тогда даже не подумал подниматься и уступать место, за что и получил по лицу и ребрам от старших и опытных бойцов.

– Ну, чего нюни развесил? – услышал он голос над головой. – Не понравилось, как у нас с салагами обращаются?

Людвиг промолчал, но вздувшиеся скулы на лице выдавали, что не понравилось.

– Говорят, ты у нас блаародный? И стену держать уже два месяца учишься?

Людвиг, придерживаясь за бока, начал подниматься. Он встал, сжав кулаки настолько сильно, насколько только смог. От усердия хрустнула пара суставов. Его взору предстал гладковыбритый мужичок небольшого роста. Возраст трудно было определить, но то, что это был не пацан, было понятно сразу.

– Ну и чего беленишься? Может, соврал я где-то? – мужичок подошел вплотную к Людвигу и подался немного вперед лицом, словно специально подставляясь под удар.

– Я не дворянин. Я бастард... – прошептал Людвиг, смотря прямо в глаза мужичку. – И да, у меня не получается держать стену. Не всем же бугаями рождаться...

– Я вот тоже не бугай и руки у меня не бревна, а стену держу! А? Что скажешь? – мужичок внимательно следил за реакцией Людвигу. Тот попытался нахмуриться, но выглядело это так, словно он морщится. Синяк под левым глазом при попытке нахмуриться сильно отдавал болью.

– Нечего сказать? Тогда пошли, покажу тебе кое-что, – мужичок споро потопал во тьму в сторону полигона, а Людвиг последовал за ним. Этот мужичок был первый, кто с ним нормально разговаривал за два месяца. До этого к нему обращались как «мясо», «эй ты»

или вообще игнорировали. Свал разговаривал с ним только на полигоне. В остальное время он его упорно не видел.

– То, что тебя за человека не держат – тут ты не думай. Так со всеми, кто в новиках ходит. А пополнения ждать еще долго, оттого ты один у нас новик, – мужичок повернулся к хромающему Людвигу и добавил: – Как строй со щитом сдашь, так и поймешь.

Они в полутьме пришли на полигон, и мужичок невесть откуда достал щит с болванкой-мечом. Он подошел к деревянному столбу, стоявшему рядом.

– Смотри на меня! Видишь? Вот тут, в ноге-упоре рождается волна. Она же идет в пояс, спину и грудь, – мужичок изобразил короткий, но мощный удар щитом в бревно, отчего по округе разнесся громкий глухой звук удара дерева об дерево. – Когда тебе «гоп» говорят, у тебя с маршевой ноги такая волна идти должна! Каждый твой шаг – это удар в щит противника. А стена – это удар в удар. Каким бы бугаем ты ни был, если в щит знатно бьют, то опрокинуть на раз могут. А если ты волну со щита принимаешь и в маршевую ногу уводишь, то сам всегда на месте останешься.

Мужичок протянул Людвигу, задумчиво чешущему макушку, щит и имитацию меча.

– Делай!

– Сил нет. Руки меч не поднимают, – тут же пожаловался Людвиг.

– Так и надо! Руки как плети двигай, чтобы болванка, словно хлыст летала... – мужичок улыбнулся жидким рядом белых зубов. – Так полуторник словно плеть рубить начнет. Это тоже волной делать надо. Научишься волну запускать с ноги маршевой и принимать на нее – за стеной дело не встанет...

Северное побережье

Полигон берегового патруля

Людвиг стоял за щитом, наблюдая, как перед ним с ноги на ногу перетаптывается бугай Прист. Он был один из самых крупных в нынешней смене патруля. Широкоплечий, на две головы выше Людвига, он создавал впечатление живой крепости. Даже без кожаных доспехов, в которые он был одет, когда вернулся на заставу. Видом Прист вызывал ужас и в то же время щенячий восторг.

Прист без замаха с чудовищной скоростью пнул щит Людвига. Людвиг на полном автоматизме, как учили, принял удар на левое плечо и едва смог погасить его в земле правой ногой. Несмотря на все его старания, инерция удара немного сдвинула его, а левое плечо тупо заныло болью.

– Ба! Свал! Глянь! Оно держится! – проорал Прист с улыбкой до ушей.

– Сдвинул! – прокричал голос Свала из-за спины Людвига. – Ты его с наскока возьми, он рассыплется!

Прист уже отходил на несколько шагов. Он со зловещей улыбкой смотрел в глаза Людвигу. Людвиг в это время закусил губу и напряг все тело, словно взведённая пружина.

Прист сорвался с места и в пару широких шагов добрался до Людвига, на ходу ударив ногой в центр щита.

Людвиг в это время сделал то, чему его учил Малый. Четкий, быстрый, без замаха удар щитом, через волну с маршевой ноги, который пришелся в ступню Приста.

От встречи двух ударов, пусть и не равнозначных, но выполненных правильно, пострадал щит. Он хрустнул и, как положено любой деревяшке, развалился на две части. Строго пополам. Тем не менее обе половины остались висеть на руке Людвига.

Еще не успел поставить на землю отбитую ногу Прист, а Людвиг уже делал шаг вперед, заноса болванку, изображающую меч, над головой. В полнейшей тишине болванка со свистом опустилась на шею растерянного Приста.

– Убит... – еле слышно произнес Людвиг. Он в обратном шаге встал в ту же позу, в которой стоял, и выставил вперед щит, вернее то, что от него осталось.

Несколько секунд на полигоне стояла тишина, прерываемая глубокими вдохами Людвигу, но потом полигон взорвался. Взорвался гомоном голосов солдат, которые выкрикивали поздравления Людвигу, насмешки Присту и оглашали окрестности простым смехом.

А Людвиг в это время стоял в той же позе и сжимал зубы изо всей силы. У него онемела рука, державшая щит. Он всеми силами старался ее удержать, чтобы половинки щита остались на месте, но рука слушаться отказывалась. Она постепенно опускалась вниз, словно паралич ее взял. Правая нога начала подгибаться, и Людвиг упал на колено, но завалившись корпусом назад и упершись лбом в обломки щита, он кое-как удержал его на месте.

– Щит сломлен, ты убит, – послышался голос Свала. Голос казался слишком отчетливым на фоне гомонящих мужиков. Со стороны казарм уже потянулись отдыхавшие мужики, которые услышали гомон. Им вскоре наперебой рассказывали то, что учудил «новик Бастард».

От слов Свала Людвиг застонал и упал на спину. Он застонал с шипением через зубы. Левая, отбитая рука ныла похуже любой зубной боли.

– Вставай, солдат. Время обеда... – послышался голос Свала. Впервые за месяц с лишним тренировок он назвал его не «мясом», не «задохликом», не «новиком», а солдатом.

Людвиг с шипением перекатился со спины на бок и, упираясь лбом в землю и держась за левое плечо, присел на корточки, а потом кое-как встал на колени. Подхватив здоровой рукой болванку меча и ремень разбитого щита, он поковылял к стойке с оружием.

Спустя час в столовую начал собираться народ, галдевший и обсуждающий недавно увиденное представление. Не каждый день увидишь, как огромную скалу Приста, бьющего с наскока ногой, опрокидывает щуплый паренек-подросток.

В зале воцарилась тишина, когда в него вошел Людвиг. Обычно его никто даже не замечал, а сам он ел на улице. Таковы были порядки, которые Людвиг нарушать не торопился.

Людвиг, привычно похрамывая, поплелся к раздаче, но его окрикнул голос из зала:

– Эй! Как там тебя? Бастард! Садись к нам, а то так до ужина шаркать будешь! – голос донесся от ближайшего столика. – Ныр, возьми пайку ему, а то он сейчас вообще до раздачи не доползет.

Один из мужиков за ближайшим столом с ухмылкой поднялся и пошел на раздачу, а остальные начали сдвигаться, освобождая место для Людвигу. Когда он буквально упал на тяжелую дубовую скамью, тот же мужик обратился к нему:

– Меня Ченом кличут. А ты и взаправду благородный?..

Людвиг отрицательно замотал головой.

– Бастард... – еле слышно произнес он.

Столица государства Гвинеи Болуслава

Дворец государя «Белый»

Целительские палаты государя Гвинеи

Людвиг поднял тяжелую голову, с усилием оторвав ее от стола, и увидел картину, которую наблюдал уже не первый десяток раз.

Тот же самый стол, тот же самый зажаренный поросенок, те же самые мужики, с которыми он...

– За Гвинею! – рывкает на весь зал Свал, и зал заполняется гомоном орущих пьяных голосов.

– ЗА ГВИНЕЮ!!! – невнятно орет Прист вместе со всеми мужиками.

Муть перед глазами немного расступается, и Людвиг кричит то, что должен в этот момент прокричать.

– За ГВИНЕЮ!!! – выдает он и прикладывается к огромной деревянной кружке. Взгляд тонет в бурде, наполняющей кружку, а слух цепляют фразы.

– Бастард!

– Гля! Бастард еще живой!

– Слух, а как Бастарда звать?

– Че? Разве Бастард не имя?

– Не, это когда блаародный налево сходил...

Взгляд отрывается от бурды и наталкивается на мужика среднего роста. Именно этот мужик по прозвищу Малый учил его. Тот тоже хлещет бурду из кружки. Людвиг очень хочет что-либо изменить, но губы и язык предательски делают своё дело. Помимо воли Людвиг задает вопрос.

– Малый, а что за повод? – рука вытирает лицо, и рот сам повторяет вопрос: – За что пьем?

– Как? Ты чего, Бастард? – слышится голос Свала.

– Да ладно! Не придуривайся!

– Неужто не знаешь?

– Да вы объясните толком! Чего пьем? – пытается рявкнуть Людвиг юным голосом.

– Так поминки у нас, Людвиг... – тихо отвечает Малый и улыбается. На шее появляется красная полоска, из которой начинает течь кровь.

– Сами себя поминаем, Бастард... – отвечает Свал.

– Могилы нет у нас и не будет, – вставляет кто-то из мужиков, булькая кровью из перерезанной глотки.

– И помянуть нас некому... – заканчивает Свал. Он почти кричит. Половина его лица превращается в обгорелый ожог. Из ушей течет кровь.

Все собутыльники превращаются в изрубленные тела, раны проступают на телах и начинают кровоточить. У некоторых вытекают глаза, отпадают руки, головы падают на стол отдельно от туловищ...

* * *

Бешеный взгляд натывается на бородатого мужика в белом одеянии.

– Смотри мне в глаза! Это сон! Это просто сон! – повторяет он, как мантру.

Появляется ощущение, что его держат. Запястье, локоть, плечи, колени, ступни, пояс...

– Повторяй за мной! Это сон... просто сон... – не перестает повторять мужчина в белом одеянии.

Внутри, в груди, мечется ураган, пытается вырваться, разнести все... но он слабеет. С каждой секундой он все слабее и слабее...

– Сон, это просто сон... – шевелятся губы. Они не хотят слушаться и все норовят начать дрожать. Чувства возвращаются, и Людвиг понимает, что щеки мокрые и под головой целая лужа из слез.

– Молодец, умница... – повторяет мужчина, смотрящий в его глаза. – Это сон, просто сон...

Глаза несколько раз моргают и закрываются. Людвиг впадает в обычный гипнотический сон...

– Все! Выключился! – со вздохом произносит мужчина, и слышится сразу несколько вздохов. – Всем ученикам два шага назад! Кто переполнен – слить силу в накопители или выпустить сырой! Все свободны!

По залу разносятся молодые голоса.

– Господи! Я думал – меня порвет!

– У меня лопнули четыре накопителя...

– Смотри сюда! – слышится голос молодого парня, который намотал связку из накопителей на шею наподобие бус. – У меня 117 накопителей полных! Вот это экземплярчик!

Пока гомон в зале продолжался, мужчина с ухоженной бородой подошел к одному из наблюдателей этого действия. Наблюдатель выделялся клеймом на лбу.

– Ваш вердикт? – спросил наблюдатель, как только мужчина подошел к нему. – Вы сможете его вылечить... или хотя бы научить контролировать выбросы?

– Мне нужно знать, что с ним произошло... душевное равновесие мага очень сложная вещь, – начал объяснять маг. – Тут важен каждый нюанс, каждая мелочь...

Клейменный не ответил. Вместо ответа он достал из складок черного плаща круглый камень. Камень походил на черный мрамор с вкраплениями белого, синего, красного и зеленого цветов. Он был небольшим, с треть кулака взрослого мужчины, но, несмотря на свой размер, этот камень произвел на бородатого целителя крайне негативное впечатление.

– Вы сошли с ума! Кто вам позволил лезть в его голову? – громким шепотом спросил целитель.

– Это была государственная необходимость...

– Для чего? Для чего было необходимо рисковать магом воздуха такой силы? – возмутился целитель. Он подошел вплотную к клеймённому мужчине.

– Не магом, а только учеником, – сказал, как выплюнул клейменный мужчина. – Были затронуты интересы государства. На кону стояла безопасность северной провинции Гвинеи...

Целитель не ответил. Он фыркнул, забрал шар из рук клейменого и отвернулся.

– Кто проводил копирование памяти? – спросил целитель, когда обернулся. Вместо ответа клейменный поднял указательный палец и коснулся им клейма на лбу. – Он сам?

Клейменный кивнул. Целитель покрутил шарообразный камень в руке и спросил:

– Смотреть, я так понимаю, можно только через вас? – В ответ клейменный опять кивнул. – Что ж. Давайте расставим все точки надо йот...

Целитель протянул руку с камнем к клейменому. Тот обхватил запястье целителя своей рукой, а вторую ладонью прижал к его лбу. Лёгкое свечение появилось сперва от соприкосновения рук, затем от лба, а потом начал светиться сам камень.

Глаза целителя в это время широко раскрылись, из них полились слезы, открылся рот и из него послышался слабый стон.

Видения профессора целительского факультета Академии магии, столица государства Гвинеи Болуславы

Вспышка.

Взгляд поверх щита на здорового мужика. Он бьет ногой в щит, и хозяин тела летит назад, опрокидываясь вместе со щитом. Взгляд выплевывает еще одного мужика, который сокрушенно мотает головой и махает рукой, разворачиваясь и уходя.

Вспышка.

Взгляд поверх переломленного щита на того же бугая. Бугай улыбается и что-то говорит. Сильная боль в левой руке. Улыбка на лице хозяина тела...

Вспышка.

Пьянка с мужиками.

Вспышка.

Строй с мужиками, объяснения мужиков, как и куда двигаться.

Вспышка.

Первый ряд мужиков со щитами. Крик во все горло «ДЕРЖАТЬ!»

Вспышка.

Спарринги с мужиками на щитах и мечах... потом просто на мечах... спарринги с копьем... синяки, боль в ребрах... смех мужиков и хозяина тела.

Вспышка.

Рука вращает картофелину, а вторая с ножом срезает тонкую кожуру. Первая рука кладет чистую картофелину в наполовину полное ведро. Вторая тянется к мешку с картошкой и берет новую. Взгляд с грустью скользит по еще трем мешкам с картошкой. Обреченный вздох хозяина тела и еще того самого бугая, который пинал в щит. Бугай поднимает взгляд на хозяина тела и с диким перегаром говорит: «Один хрен было весело!» Губы с улыбкой произносят: «Оно того стоило...»

Вспышка.

Запахавшийся мужик на лошади что-то говорит на тренировочной площадке. Его встречает толпа народа. В этой толпе находится и сам хозяин тела. Рядом с ним стоит низенький мужичок с сединой в волосах. Выслушав гонца, он выдает фразу: «Приплыли-таки, суки!»

Слышится громкий рык «К бою!» и все мужики срываются в бег. Кто куда. Людвиг за шкуру куда-то тащит тот самый мужик, который только что стоял с ним рядом. Спустя пару минут круговерти кто-то, кого хозяин тела даже не успевает рассмотреть, сует ему в руки кожаный нагрудник с металлическими бляхами, щит заметно тяжелее учебного, настоящий меч и шлем-горшок.

Вспышка.

Хозяин тела сидит, прислонившись спиной к стене. Он поднимается на колени и выглядывает за зубья. Он находится на стене небольшого форта. Глаз цепляет остовы сгоревших зданий и сооружений, множество костров в сумерках на горизонте, мертвые тела чужаков у стен и подпалины на земле.

– Мужики! Кто живой и ходячий – на совет в оружейную! Торк зовет. Направо передай, если услышал... – слышится громкий шепот слева.

Голова поворачивается направо, и губы шепотом повторяют слова, которые только что услышали. Затем тело хозяина поднимается и куда-то идет, нагибаясь. Как только он подходит к лестнице, по голове кто-то сильно бьет.

Вспышка. Рапорт.

Глаза с неохотой открываются. Взору предстает лицо мужчины средних лет с залысиной. Губы сами собой говорят «Здравия желаю, господин начальник форта...»

– Как зовут тебя? – спрашивает мужчина. Он прижимает руку с чем-то металлическим ко лбу Людвиг.

– Людвиг...

– Полностью!

– Людвиг Сылестский...

– Благородный?

– Бастард...

– Где-либо состоишь?

– Учусь в Академии магии города Вивека...

– Факультет?

– Воздушный.

– Не перебивай, смотри на меня и внимательно слушай. Я Торк Вычагда, начальник заставы северного патруля Серый Клык. Согласно доктрине «О секретности и шифровке» даю пароль: «Битва начисто!» Запомнил, Людвиг? Повтори!

– Что повторить? – спросили губы сами собой.

– Битва начисто!

– Битва начисто... А зачем?

– Молчи! Говорю только я! Осада идет третий день. Северные твари пришли очень плотной группой. Предполагаю быстрый прорыв. Очень много колдунов и мало воинов. Есть главный колдун на троне, большой шатер со знаками колдунов. Предполагаю приход к власти колдунов у этого племени.

Вчера после массовой атаки колдунов был выведен из строя единственный гарнизонный маг. Сегодня, около 3 утра, он, не выходя из комы, перестал дышать. Сердцебиение прекратилось. Гарнизонный маг Гувер Импрезар скончался. Бился до последнего, крайний удар пропустил через себя, чем спалил свой мозг.

Магической защиты в артефактах осталось на 75 эрг. Завтра ждем атаку воинов, поэтому думаем продержаться еще день. Если снова ударят колдуны... Ждем атаку воинов.

Все документы, вещи с подписями и именами уничтожены. Золото и гарнизонная казна зарыты в условленном месте согласно гарнизонному уставу. В качестве тайника донесения использован строевой солдат Людвиг Сылестский. Бастард, ученик магической Академии Вивека. Запись окончил!

– Торк... что происходит? Почему я связан? – настойчиво начинает спрашивать хозяин тела.

– Прости, Людвиг. Нам завтра надо умереть...

Вспышка.

Вспышка.

Вспышка.

Вспышка...

– Вы же просто изверги! – произнес целитель. Из глаз текли слезы, а рот жадно хватал воздух. – Как вы вообще могли на такое пойти...

– Это безопасность государства, – сухо ответил клейменный. – При захвате любой крепости всегда оставляется сообщение с полным описанием хода сражения за крепость. Кто напал, сколько врагов, куда они ушли...

– Но не в живом человеке!

– В данном случае это оправданно, – пожал в ответ плечами клейменный. – Колдуны с севера умеют искать письма или магические составляющие с информацией.

– Но искать людей, укрытых под маскировочным артефактом, они не умеют? – с ехидцей спросил целитель.

– Там был еще артефакт летаргии. В этом случае человек не опознается как живой...

– Вы видели, что случилось в конце? – спросил целитель.

– Там сильные помехи, – пожал плечами клейменный. – Изображение плывет...

– Это не помехи. Это слезы, – со вздохом произносит целитель. – Мальчик использовал обычный отдаленный взор. Это начальное заклинание воздуха, его еще до Академии учат.

Клейменный непонимающе уставился на целителя.

– И что?

– Ничего, – хмыкнул целитель. – Артефакт летаргии не работал. Он бодрствовал. Он смотрел, как умирают его начальники, друзья и сослуживцы. До самого конца он лежал в этой каменной потайной комнатке связанный, укрытый артефактом маскировки, и смотрел, как умирают его друзья. Вот и все... А потом пришли ваши коллеги на развалины форта, нашли его в» невменяемом» состоянии кататонии, решили, что артефакт летаргии работает, и со спокойной душой его начали потрошить. Наживую...

– Нет, если бы наживую, то он бы с нами не общался...

– Я вам сообщаю факт! Можете еще раз перепроверить все записи. – После этих слов клейменный нахмурился.

– Мы еще раз перепроверим этот момент, – хрустнув шеей, произнес он. – На нас давят из высших кругов. Отец этого мальчишки оказался родственником государя. Седьмая вода на киселе, да и вообще вне закона. Он бастард, но...

– Так бегают за бастардом, только если он единственный мужчина в потомстве, – закончил целитель за клейменого.

– Совершенно верно. Граф Сылестский не задумываясь признает его официально и усыновит, если это хоть как-то изменит ситуацию, – клейменный выпрямился, вздохнул и довольно четко и конкретно спросил:

– Ваш вердикт?

– Он будет жить, безусловно, – целитель начал размеренно гладить бороду. – Кардинально вмешиваться пока нельзя. Сколько у нас времени?

– Год, от силы два – и я не смогу сдерживать братьев. Нам придется либо лишить его дара, либо убить, – неохотно произнес клейменный. На суровый взгляд целителя он так же грубо ответил: – Я не имею права рисковать безопасностью государства и его жителей. Вы представляете, что будет, когда он проснется после кошмара в обычной гостинице столицы? Он целый район разнесет к чертям! Он по всем документам у нас проходит под грифом «Людвиг Буря».

– Я все прекрасно понимаю, но месть стала его смыслом жизни. Отцу можете смело передать, что он своего добился. Мальчик теперь имеет цель, – целитель передернул плечами, словно стало холодно. – Даже если кошмары уйдут, то хорошего сына он все равно потеряет.

– Почему?

– А, по-вашему, заикленный на мести боевой маг может считаться хорошим сыном? – приподняв брови вверх и неестественно удивляясь, спросил целитель. – Боевой маг вообще может считаться хорошим сыном?

– Не начинайте этого разговора! Служба Государева пригляда и сыска не имеет отношения к выбору стихии вашего пациента! – повторил почти заученную фразу клейменный. – Вы мне лучше скажите, есть шанс, что кошмары просто уйдут?

– Крайне малый шанс. Чтобы повысить эти шансы, и достаточно серьезно, хочу вам предложить вернуть его в Академию на учебу. Убрать с его глаз всех военных и вернуть в привычную среду.

– Вы сошли с ума! Да он же в первую ночь...

– С вас кандалы с замком и ключом, – выдал целитель. Он уже думал и прикидывал что-то в голове. – Не простые кандалы, а ВАШИ кандалы!

– Меня испепелят, если узнают, что я...

– Он их будет надевать только перед сном. Разговор с ним я беру на себя, с вас кандалы, – безапелляционно заявил целитель. – Все просто. Ваши кандалы будут блокировать всю магию, а он будет просыпаться как от обычного кошмара. Только испуг.

– Хорошо, – сокрушенно заявил клейменный.

– Большого я для него сделать не могу, а вас я больше не задерживаю, – начал выпроваживать целитель клейменого.

Тот не ответил. Он начал набирать воздух. Резко, рывками, словно хотел чихнуть.

– АаааПЧХИииии! – чихнул клейменный и взорвался, разлетевшись черной субстанцией по комнате и заляпав целителя, стену, у которой они стояли, и даже потолок.

Целитель вытер с лица черную тягучую субстанцию, которая прямо на глазах начала испаряться. Пахла она тоже отвратно. Хорошо ее рассмотрев, целитель буркнул:

– Тоже мне... Позер! Лучше ничего придумать не смог?.. Тьфу...

Спустя несколько недель

Город Вивек. Тренировочные залы «Боевой кафедры»

Сжатые зубы, до вздувшихся скул. Взгляд исподлобья, словно он пытался загипнотизировать противника. Снова поднимается щит, и снова шаг. Меч отведен немного назад, его кончик лежит на щите. Еще шаг, и противник бьет ногой в щит.

Принять удар, увести в правую ногу и из нее же дать волну в меч. Полуторник в руках начинает рубить противника, но... не углядел, не заметил. Щит противника ребром бьет в лицо. Искры из глаз, и лицо уже уткнулось в песок.

Людвиг поднимается на колени и начинает сплевывать кровь. Взгляд поднимается, а магический тренажер, встроенный в старый вариант доспехов, делает три шага назад. Он делал это всегда, когда наносил смертельный удар противнику.

– Еще! – произносит разбитыми губами Людвиг. – Еще раз!

Он встает, принимая ту же самую стойку. Он занимался этим с момента приезда в город. Снова и снова он бил этот тренажер. Без магии, просто на мечях и щитах. И каждый раз получал от тренажера синяки и ссадины, но вставал раз за разом.

Снова стойка, снова шаг, удар тренажера Людвиг пытается встретить щитом и... вновь получает плашмя мечом по голове.

Больно, хоть и не смертельно, но Людвиг начинает звереть. Злость заволакивает глаза голубым цветом.

– Не сдамся! – сквозь зубы произносит он. Кажется, что слышится хруст сжатых зубов. – Не сдамся! Слышишь, тварь? Хрен тебе!

Огромная ударная волна, по размерам занимающая весь зал, несется на магический тренажер. Она сметает его и размазывает по защитным стенам. Металл, расплюснутый об стену, сначала падает на землю, но не проходит и минуты, пока Людвиг успокаивается, как доспех словно надувается изнутри. Магический тренажер снова готов к работе. Учителя предусмотрели многое. Магическая академия, как-никак.

Комната практики Магической академии города Вивека

В центре круглой комнаты стоял Людвиг. Он был одет в тренировочную одежду, которую надевал каждый ученик, заходивший в эту комнату. Он смотрел на маленький флакончик в руке. Пальцы рук слегка подрагивали, кадык носился вверх и вниз.

– Я не сдамся... – сквозь зубы произнес он. Еле слышно, почти одними губами. – Я не сдамся...

Повторяя раз за разом эту фразу, он дрожащими пальцами вскрыл маленький флакончик и опрокинул в себя. Глоток, глубокий вдох, кашель.

Людвиг падает на колени, его взгляд впивается в песок, устилавший всю тренировочную комнату. Зрачки пускаются в пляс, а перед глазами уже бегут сцены, воспоминания... И вновь он на стене того форта, вновь кровь заливает правый глаз, вновь гибнут люди, которых он называл друзьями...

Губы все время повторяют одно и то же: «Я не сдамся...»

В зале для тренировок начинает вращение смерч. Он еще мал, всего лишь размером с ладонь, но он растет. Он растет вместе с громкостью голоса Людвига, который повторяет: «Я не сдамся!...»

Спустя минуту смерч заполняет всю комнату, и в ней вращается все! Песок, обломки колонн, какие-то неведь откуда взявшиеся куски древесины. От стен исходит яркий магический свет, но светятся не сами стены, а руны защиты и поглощения, нарисованные на них.

Со стороны входа показалась фигура человека. Она спокойным шагом идет к бушующему Людвигу. По дороге ветер, раскрутившийся до сумасшедшей скорости, начинает срывать с человека куски одежды, песок начинает снимать кожу, как настоящий абразив. Самое удивительное, что человека при такой скорости не сносит и не отрывает от каменного пола.

К Людвигу подошло уже чудовишно изуродованное тело. С левой, подветренной стороны, тело красовалось белесыми участками отшлифованных костей. Вторая половина тела выглядела не намного лучше. Этот человек подошел к Людвигу, который висел в воздухе вертикально с выгнутой назад спиной. Губы продолжали повторять одно и то же. Он заглянул тому в глаза, которые были голубыми, без зрачка, словно это и не глаз, а кусочек неба. Потом он осмотрел запястья, на которых были ожоги. Еще немного понаблюдав за Людвигом, он поставленным ударом врезал ему по затылку, и тут же все умолкло.

Песок упал барханами у стен, ветер улегся, свет от стен прекратился. Словно ничего и не было. Если не считать песок, наваленный у стен.

Фигура изуродованного человека направилась к выходу из комнаты. Там его уже ждал человек в черном плаще, лысой головой и клеймом на лице.

– Что скажешь? Возьмешься? – спросил клейменный изуродованного, как только тот подошел к нему.

В ответ изуродованный человек отрицательно помотал головой из стороны в сторону. Говорить он не мог. У его лица не было щек, слева белели отполированные песком кости черепа.

– Ратмир, мне больше обратиться не к кому, – начал клейменный. – От него в столице целители отказались. Ты пойми, пропадет же парень! Ты же видишь, что он вытворяет! Этот парень – Буря! Просрем ведь...

Ратмир опустил голову, и по его щеке потекла мутная жидкость. Это вытекал единственный человеческий глаз. Ратмир поднял голову и взглянул на клейменого вторым, демоническим глазом.

– Ну хоть попробуй! – попытался убедить его клейменный. – Если до следующего года не выйдет, то нам либо убить его, либо лишить дара. Ратмир, ты же последняя инстанция. Мне больше не к кому обратиться...

Ратмир глубоко вдохнул и выдохнул, булькая кровью где-то в районе восьмой пары ребер слева, и кивнул головой. Клейменный же выдохнул с облегчением, будто он снова собирался обратиться с новыми доводами.

Ратмир прошаркал мимо него к выходу, оставляя за собой кровавые следы.

Следующее утро

Глаза Людвига открываются, перед ними дощатый потолок. Он шевелит слегка руками и чувствует тяжесть металла. Это его кандалы. Без них он не ложится спать уже больше месяца.

– Поднимайся, я тебя не собираюсь ждать до обеда, – слышит он голос откуда-то сбоку.

Людвиг присел на кровати, и тут до него дошло, что кровать не его и вообще он не в своей комнате.

– Меня зовут Ратмир. Я учитель, маг-универсал, – начал было человек. Лицо его покрывала нежная розовая кожа, а волосы на голове вообще отсутствовали. Было понятно, что человек недавно побывал в передраге.

– Я вас знаю, – хриплым голосом произнес Людвиг и начал прятать взгляд, вжимая голову в плечи. – Это я вас? Да?

– Ты. Дело в другом. От тебя отказались все, кто хоть как-то мог тебе помочь, – щека Ратмира дернулась, а демонический глаз под тонкой розовой кожей провернулся. – Тебя списали, Людвиг Сылестский.

Кисти Людвига, державшие край кровати, сжались. Побелели костяшки и скрипнула кровать. Людвиг смотрел со злостью на Ратмира, а его браслеты начали чернеть. Видя это, Ратмир усмехнулся.

– Злой! Смотри на меня и слушай внимательно! – начал Ратмир, наклонившись почти вплотную к лицу Людвига. Пока он говорил, демонический глаз дергался, словно жил своей

жизнью. – Ты никому не нужен, Людвиг. Кроме себя самого. Расклад простой, как подкидной! От тебя отказались целители столицы, наши целители им в подметки не годятся. Ты опасен. Каждую ночь одно и то же. Один и тот же сон, а в реальности одна и та же буря. Тебе выдали кандалы от клейменых, но они рано или поздно почернеют совсем и осыпятся черной ржавчиной, и тогда...

– И что тогда? – сиплым голосом спросил Людвиг, не отрывая взгляда от пола. – Зачем вы вообще со мной носитесь? Я ведь многого не просил... Я ведь только хотел на северные острова попасть!

Людвиг поднял взгляд на Ратмира, и тот отшатнулся. Глаза снова начали приобретать голубой оттенок.

– Я уже все знаю. Год – и Государев пригляд придет за мной. Или убьют, или заберут дар, – уже более спокойным тоном он добавил: – Мне уже все равно. Мне на север надо...

– Ты же понимаешь, что даже если доберешься до островов – это будет чудо, – Людвиг в ответ кивнул головой. Ратмир откинулся на спинку стула и предложил: – Я помогу тебе.

Людвиг сначала вскинулся, но быстро осел.

– Как ты мне поможешь?

– Я научу тебя убивать и выживать, – Ратмир улыбнулся. Улыбка вышла кривой и довольно страшной. – Везде. А дальше – как пойдет. Возможно, что я буду слишком пьян, или ты слишком хитер. Как итог, ты сбежишь к следующему году.

Ратмир протянул руку Людвигу. Людвиг потянулся к руке Ратмира, но тот немного отстранил ее.

– Только при условии полного подчинения и безоговорочного выполнения всех заданий! – заявил Ратмир.

Людвиг, впервые с кем-то поговоривший по душам, немного посомневался, но пожал руку Ратмиру.

– Беру тебя в ученики, Людвиг Сылестский! – произносит с улыбкой Ратмир. – Ты будешь вторым учеником. Первого зовут Пест...

Людвиг еще не совсем понимал, что его ждет. Он еще и не подозревал, что Ратмир на самом деле не улыбался. Просто кожа еще не успела загрубеть. На самом деле это была не улыбка, это был хищный оскал.

Глава 5

Пест. Окрестности села Ведичей

Пест стоял в центре квадрата. В каждом углу находился большой камень. Пест потянулся к первому, прикоснулся. Камень был огромным, с него ростом, из легкого хрупкого известняка, и имел форму пирамиды. Вопреки законам физики он стоял острым углом вниз и падать не собирался.

– Быть тебе Ветра лицом! – тихо, почти шепотом произнес Пест, поглаживая известняк. Он начал постепенно наполнять камень силой, приговаривая и бормоча под нос: – Ликом того ветру, что колос на полях наших колышет, что деревья в лесу нашем гнет, того ветру, что дождь в облаках к нам несет...

Пест бормотал слова и наполнял камень силой воздуха, пока на камне не показалось лицо с улыбкой.

– Слышу тебя, Пест-ведун! – прошелестело лицо.

Пест тоже улыбнулся, но не проронил ни слова. Он направился к следующему камню. Тот был похож на неровный столб чуть выше его роста. Он был испещрен мелкими бороздами, и складывалось впечатление, что перед Пестом не камень, а просто странное дерево. Почувствовать, что это все-таки камень, можно было, если прикоснуться к нему.

Когда Пест подошел к нему и дотронулся, камень словно ожил. Поменялся цвет самого камня, будто бы пошевелились борозды, а с дальнего боку проросли пару мелких веточек. Это Пест наполнял камень силой жизни, пока хозяин Леса не сформировал лицо на столбе из камня и борозд. При этом Пест приговаривал:

– Быть тебе ликом хозяина Лесного. Того, кто за ягодой глядит, кто леших из лесов наших гоняет, кто зверье лесное из чащи в село не пускает...

– Услышал я тебя, Пест-ведун! – произнесло лицо хозяина Леса, когда полностью сформировалось.

Пест перешел к следующему камню. Тот был тоже в форме пирамиды. Неровной и неправильной, но все же форму можно было разобрать невооруженным глазом.

– Хозяина Земли ликом тебя нарекаю, – уже громче начал говорить Пест. Он наполнял камень силой земли. Камень в ответ только дрожал. Спустя несколько минут на камне проступили брови, нос и рот. Но звука не последовало. Пест перестал вливать силу и нахмурился. Обернулся, принялся к чему-то и, пожав плечами, отошел к последнему камню.

Тот формой напоминал яйцо. Только спереди у него было отверстие, уводящее вглубь камня, и выступ под этим отверстием. Этот странный камень ему привезли Воржские рыбаки. Его умудрились зацепить сетями в курье Воржа. Пест сначала не понял, что ему привезли рыбаки, но когда он посмотрел на камень сквозь повязку, то понял, что это.

– Быть тебе ликом хозяина Полей, – начал Пест, прикоснувшись к камню. И тут же стал накачивать его сырой силой. – Ликом того, кто о колосе думает, кто за урожай ответ несет...

Пест еще что-то говорил, а из отверстия на карачках вылез Лукаша. Он побряхтел, стряхнул пыль со штанов и уселся на выступе у отверстия в камне.

– Слышу, слышу, – пробормотал Лукаша и добавил: – А лаз больно малый, да и пылища внутри...

Пест снова не ответил. Он встал между ликом хозяина Леса и ликом Лукаши так, чтобы образовать собой пятый угол.

– Я зову вас, хозяева края здешнего, оттого, что чуть не остались вы без люда, – начал говорить Пест, но его прервал бас, исходящий от лика хозяина Земли:

– Слышу я тебя, Пест-ведун...

– Тю! А я думал – он спит! – вставил громким шепотом лик хозяина Ветра.

– Да он всегда такой, тугой на слово. А его старшие пуще этого тугие... – начал было Лукаша, но оборвал странную беседу Пест.

– Не слышите вы меня! – Пест топнул ногой, отчего по округе разнесся хлопок. Все тут же усталились на Песта. – Ты, Лукаша, так урожая бы и не собрал, вам, Лесной хозяин и Ветра хозяин, никто бы больше камня с силой не принес и пирога в печи испечённого не подал. Аль не поняли вы, когда кровь лилась у края земель, что селам свободным принадлежат, что могут вырезать люд сел свободных, и не помянет вас никто даже словом добрым?

Воцарилась тишина. Лики местных хозяев никак не отреагировали, но Пест и не ждал от них ответа сразу.

– Думайте и решайте! Я свое слово так скажу: надобно люд сохранить! Для того надобно все делать по уму и вместе. Ежели дадите вы добро, то будет вам и слово мое, как это сделать и что для того надобно!

* * *

У землянки, в которой когда-то жила Аккилура, а теперь жил род Средний, наскоро возвели навес с лавкой у самой двери. Под этим навесом сидели мать с мальчиком лет пяти и мужик с сединой на лысеющей голове, явно указывающей на его возраст.

Дверь землянки скрипнула, и из нее вышел Дакрит, одетый в серую холщовую рубаху. Он призывно мотнул головой и скрылся в доме. При этом он не обронил ни слова и дверь не закрыл.

Засуетилась женщина. Она, приподнимая подол не по погоде теплого платья, встала и, потянув мальчика за руку, устремилась в землянку, не забыв закрыть за собой дверь.

Когда она вошла в помещение и глаза привыкли к полумраку, она отвесила поклон сидящему за столом мужчине. Стол стоял у единственного окна, а мужчина сидел спиной к женщине. Лица она не видела. Глаз не сразу заметил выходявшего на улицу молчаливого старика. Тот сидел у стены на лавке и с угрюмым видом пытался плести лапти. Даже от входной двери было видно, что лапоть у него был «не ахти».

Вопреки ожиданиям женщины, говорить начал мужчина за столом.

– Не стой у порога. Заходи! Чьих будешь? С чем пришла?

– Мы из древлян, что по притокам Эная жизнь ведут. Село наше Уткунай, рода мы Рогового. Слово молвили соседи, рыбаки с реки Воржа, – начала неуверенно женщина. – Что воротился до самого праздника Урожая в село Ведичей ведун, Пестом от рождения названный. Мол, зело сильный ведун, и волшебю мажеской обучен...

– Садись, в ногах правды нет, – прервал ее слова мужчина. Женщина потопталась на месте и нерешительно двинулась к столу. С другой стороны стола стояла скамья. На нее она и уселась с мальчишкой.

Когда она подняла взгляд на мужчину, то тут до нее и дошло, что, несмотря на размеры и широту плеч, перед ней юнец. Отрок, если вообще не дворовый парень. Женщина в недоумении глянула на старика, который сплюнул, кинул под лавку еще один неудавшийся лапоть из бересты и потянулся за новым куском бересты на той же лавке. К слову, под лавкой уже было несколько комков бересты, отдаленно напоминающих лапти. Потом женщина снова перевела взгляд на отрока.

– Я к Песту-ведуну...

– Я Пест-ведун, и за то слово было Аккилуры, ведьмы села Ведичей, – опять оборвал ее отрок. – С чем пришла?

Женщина тут же схватила мальчика за руку и подтянула его кисть к Песту.

– Вот! Вот, что случилось.

Пест недоуменно уставился на кисть парня. Она была немножко искривлённой, и на ней было шесть пальцев. Он протянул к кисти руки и начал ее ощупывать, при этом продолжая выпрашивать мать ребенка.

- Давно шестой вырос?
- На свет с шестью появился...
- Только на одной руке?
- На обеих рученьках...
- Болит? Работу делать мешает?
- Нет, но род и село за юродивого считают, и дворовые тумаками провожают...
- Звать как?
- Митрофана...
- Малого!
- Синдин...

Пест умолк и начал разглядывать парня. Тот был явно рыжим. Волосы были настолько яркого рыжего цвета и так растрепаны, что у Песта сразу закрались сомнения.

- Кулаки покажи! – хмурясь, скомандовал Пест. – Ну?

Парень испугано взглянул на мать, а потом, вжимая голову в плечи, показал оба кулака Песту, костяшками вверх. Оба кулака были битыми, с припухлостями и ссадинами.

- Бьешься на кулаках?
- Бьюсь... – мальчишка склонил голову немного вперед и смотрел на Песта исподлобья.

Словно дворовый, собравшийся с ним драться.

- Руку дай! – Пест дождался, когда парень в сомнениях протянет одну руку, и ухватил за запястье. Одной руки Песта хватило в аккурат, чтобы обхватить маленькое запястье мальчишки. – Не дергай, а то больно будет...

С этими словами Пест провел второй рукой по ребру ладони, там, где был зачаток шестого пальца. Сразу после руки потекла кровь, но Пест провел своей рукой еще раз. Кровь тут же остановилась. На стол капнуло всего пару капель. Пест осмотрел кисть парня и хмыкнул.

- Вона как!

Далее Пест долго ощупывал кисть и что-то бормотал, перебирая косточки. Все это время мать не сводила глаз с зачатка пальца, который валялся в крови на столе.

- Все, давай вторую! – Малец задумчиво разглядывал кисть без шестого пальца и не сразу среагировал на слова Песта. – Ну? Чего ждешь? Потом налюбуйешься.

Мальчишка тут же протянул вторую руку, а Пест повторил с ней манипуляции. Когда до мальчишки дошло, что он больше ничем не выделяется и пальцев у него столько же, сколько у других, он засиял как начищенный медяк. Он вертел перед лицом руками и рассматривал места, где буквально пару минут назад еще были лишние пальцы. Его мать в это время принялась копаться в подоле платья, а Пест, хмурясь, уставился на лишние пальцы, лежащие на столе.

- Единый нам тебя послал, да так любо послал, что спасу нет! – женщина суежилась и пыталась что-то найти в платье, судя по суете, это было что-то очень важное. – Мужа Единый по весне забрал, он лихоманкою неделю мучился, все вертелся как уж на сковородке, а за сына его слово сказать некому. Я-то старая уже, вдовых брать у нас не любо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.